

Сергей Буянов
**Двугорбый
Янус**

18+

Сергей Буянов

Двугорбый Янус

<https://litres.ru/74141454>

SelfPub; 2026

Аннотация

На смену войне холодной приходит война десертная. Цели и задачи этой войны остаются прежними: изменяются способы боевых действий.

Политики готовы использовать неведомую мистическую силу. Они не подозревают, что включились в вечную духовную брань между добром и злом.

Труден путь к спасению, ему препятствуют пороки, поощряемые обществом. Пусть только после Духовной смерти, но главный герой, Ники выбирает верный ориентир, использует единственный шанс для спасения собственной души и судеб мира.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Сергей Буянов

Двугорбый Янус

Глава

Блажен иже имет и разбиет младенцы Твоя о камень Пс . 136:9

Глава 1

... войдя в туалет, по старой пьяной привычке, он упёрся лбом в холодную цинковую дверцу шкафа, расстегнул замок ширинки, сунул руку и похолодел: это не его член!

Хмель моментом исчез. Три дня беспробудной пьянки испарились вместе с выступившим потом. Он отпрянул от шкафа, боясь опустить глаза и увидеть то, что он продолжал держать в руках.

В голове галопом пронеслись события вчерашней ночи: вечеринка, очередная неудача с Кэт, дождь, мерцающий фонарь, стена из облезшего зелёного кирпича, нестерпимое желание помочиться, резкий душераздирающий вопль, горящие зрачки трёхпалой старухи

В другое время Афоня списал бы всё на дурную привычку мешать горячительные напитки, но не сейчас: когда он, Афанасий Петрович Никифоров – абсолютно трезвый — стоял в

собственном сортире и держал в правой руке совсем не его член.

– Ужас! Это галюники! — вскрикнул Афоня и испугался: в туалете раздалось эхо!

– Ники, Ники! Ники

Афоня криво ухмыльнулся. Допился, называется! Какой абсурд! В тесном туалете — горное эхо, а в руках — конский орган. Хорошо, эхо могло послышаться, но как быть с этим органом? Может ли он вырасти за одну ночь? Этого быть не может. Но есть.

Афоня не стал кричать ещё раз, чтобы проверить эхо. Похоже, его уже услышали на лестничной площадке. Старушонки скажут: «Совсем пропал Афоня!» Да и пусть! Шли бы они все на! Вот на этот! Афоня потряс новым органом. Презабавно получилось. Он расхохотался.

Глава 2

– Ха-ха-ха! – профессор обессилено упал в кресло. — И каких только чудес не бывает! Мил человек, повторите, пожалуйста! Ха-ха!

Молодой прыщеватый субъект стоял перед профессором, переминаясь с ноги на ногу и почёсывая затылок. Его вытянутое лицо выражало недоумение. Студент не мог понять: что так рассмешило почтенного доктора наук парапсихологии. В то же время студент понимал, молчать нельзя! При-

шлось повторить:

– Суккубизм, вероятно, произошёл от слова: сука.

– Хм. Тогда, дорогой мой, как будет по другому полу? А? Коббелизм?! Ха-ха-ха!!!

Студент смешался. Он готовился к строгому экзамену: с вытягиванием билета, с медной монетой в левом башмаке и прочими ритуальными примочками. А тут? Сразу вопрос в лоб!

– Ну, – неуверенно согласился баламут, чем вызвал ещё больший приступ хохота у экзаменатора.

М-да, скорее всего школа оккультных наук — не для него!

– Хорошо, – успокоился профессор. — В теории вы не сильны. А опыты?

Молодой человек преобразился, выгнул спину, обнажил клыки и заржал по-лошадиному. Он начал бить по полу воображаемыми копытами, взбрыкивать головой и трясти кверху задом.

Как ни странно, профессор не развеселился. Он заинтересованно глядел на студента поверх очков.

Это приободрило субъекта. Он зашёлся в раже и сделал круг по аудитории. Упав на руки, на четвереньках, как лошадка, он обошёл вокруг профессора и застыл, пуская пену изо рта.

– Неплохо, молодой человек, — ласково произнёс профессор. — А теперь, вон!

– Как?

– А точно так же, галопом! — рывкнул профессор. Его побагровевшее от смеха лицо покрылось пятнами суровой бледности.

– Настя! — крикнул он в селектор, как только псевдожеребец выскочил из кабинета. — Доктора Якушева ко мне, немедленно!

– Яволь! — игриво ответила секретарша, явно игнорируя рассерженный голос шефа.

Спустя две минуты Яков Яковлевич Якушев уже стоял на ковре.

– Яков Яковлевич, дражайший вы мой! Откуда это чудо?

– Фёдор Федотович, но ведь, — начал оправдываться доцент, но его тут же прервал шеф.

– Что, ведь? А? — профессор Акульев участливо заглянул в глаза подчинённому. — С подобными идиотами вы желаете достичь результатов? У нас — закрытое учреждение!

– Я всё понял, виноват, исправлюсь, — скороговорочкой пролепетал доцент.

– В который раз вы поставляете чудо-экземпляры?

– Так ведь, нам необходимы люди с экстраординарными способностями! — парировал Якушев.

– Вот именно, дорогой вы мой человек, именно!

Яков Яковлевич молча вынул кассету и сунул её в видеомагнитофон. Спустя несколько мгновений, на экране появился известный субъект. Он пристально смотрел на себя в зеркало и осклабился жёлтыми зубами. Уставившись в

собственные зрачки, молодой полудурок вдруг вскрикнул и упал навзничь. Он конвульсивно забился, пуская кровавую пену сквозь крепко сомкнутые губы.

— Яков Яковлевич, немедленно верните этого придурка!
— выкрикнул Фёдор Федотович.

Доцент с чувством собственного достоинства вышел из кабинета шефа.

Глава 3

— Наконец-то! — Оля вскинула руки кверху, держа в руках новенький паспорт. Она поцеловала красную, пахнущую типографией, корочку и прижала к грудям поочередно.

— С первой ходки откинулась? — с пониманием спросил её бомж, шатающийся возле здания МВД.

— П-шёл вон! — отмахнулась Ольга Сергеевна Богатова.

Бомж не обиделся. Он пожал плечами и отвернулся. Ошибся. Он с досады хлопнул себя по лбу. Какого хрена ему было лезть в душу со своим участием? Конечно же, это никакая не ходка! Просто эта сучка развелась, да получила ксиву с новой-старой фамилией. Только и делов! Ляпнул лишнее — нечего теперь попрошайничать! Бич тяжело вздохнул.

А Оленька была на седьмом небе от счастья. Спроси бродяга без затей у неё денег, не задумываясь, дала бы на бутылочку пивка. Она получила свой паспорт, с настоящей фамилией! Оля никогда не была замужем, но так уж получилось,

что длительное время (да всю жизнь!) таскала чужую фамилию. Обидно! Ольга Сергеевна Брюхатова? Кто бы знал, сколько насмешек пришлось ей вытерпеть, плакал бы! Паралитик папа, протестовавший её решению сменить фамилию, умер самостоятельно! Вот так!

Оля высунула язык, но бомж уже не увидел.

Госпожа Богатова пугливо оглянулась: какая глупость! Девчачество какое-то! Она же теперь не Брюхатова!

На Ольгу Сергеевну Богатову мир смотрит иначе. И солнце ласковей, и ветерок мягче, и земля держит сильнее — совсем не хочет сбросить с себя никому ненужную гражданку Брюхатову. Вот так.

А ещё говорят, не верь экстрасенсам!

Глава 4

– Чушь собачья! — вскрикнул морфолог, рассматривая препарат. — Такого не бывает, потому что не может быть никогда!

– Что вы, Леонид Леонидович? — проворковала молоденькая практиканточка, склонившись над врачом. Ей хотелось отпроситься с работы, девушка как бы невзначай коснулась плеча доктора предварительно вынутой наружу грудью.

– Обожди, Кэтик! — недовольно отмахнулся доктор. — Я очень занят!

Кэт обиженно надула губки. Чем может быть занят этот лопух? Ей никак не приходило в голову, что этот самый лопух ходит на службу вовсе не для того, чтобы совокупляться с практиканточкой. То есть, для этого конечно, но зарплату ему выдают вовсе не за это!

Кроме того, он ещё молод, и впереди какая-никакая карьера! Иначе, какого хрена тут сидеть, полосовать трупов вдоль и поперёк до дрожи в руках или жмурить глаза от боли после разглядывания в микроскоп бесконечных препаратов?

И вот оно, свершилось! А тут эта нимфоманка повисла на плече. Напрасно, ой напрасно, он принудил к половой близости свою практикантку. Самого зло берёт! Скоро уж и жена прознает!

– Да уйди ты и закройся! — в сердцах рявкнул врач.

– Это ты мне? — нарушив их соглашение, Кэт перешла к фамильярному обращению. — Мне?

– Да нет, препарату своему! — нервно ответил Леонид Леонидович,

– А-а-а, – задумчиво протянула Кэт. — Так выбрось его!

Она протянула руку к предметному стёклышку, но доктор так схватил её за локоть, что Кэт переменила решение и с размаху, что называется от всей души, вlepила своему начальнику–любовнику смачную пощёчину.

– Вот, сука! — взвопил Леонид Леонидович. На что сука немедленно отреагировала: ухватила микроскоп и стремительно опустила его на голову морфолога.

– Вот тебе сука! А вот тебе блядь! — Кэт продолжала долбить лежащего на полу доктора по его никчемной башке, приговаривая все те слова, которые по её мнению, Лупин не успел сказать в её адрес. От злости она промазала и разбила микроскоп об пол.

На шум вбежало двое санитаров из мертвецкой. Они подхватили под мышки разъярённую Кэт и отволокли её в угол.

– Ты что, Кэтик? — спросил один из них.

В ответ Кэт закашлялась и захрипела.

В испуге санитар склонился к её лицу и схлопотал порцию слюны в оба глаза.

– Сволочь!

– Знаю, – удивительно спокойно отозвалась Кэт. Похоже, весь заряд её ярости изошёл.

– А, знаешь?! Подстилка! — разъярился санитар и чуть не врезал по самодовольной рожице, но его одёрнул коллега.

– Хватит! Лёха, у нас воск стынет!

Напоминание о бабках трезвит лучше всякого другого средства. Санитар вскочил на ноги и дёрнул в покойницкую вслед за товарищем. Он мигом позабыл и о подстилке, плюющей в глаза, и о поверженном докторе. Да на кой они сдались, когда воск стынет?

Расплавляй потом его заново, мучайся, а клиент не ждёт!

Кэт поднялась с полу, куда её швырнули жлобы–санитары, посмотрела на начальника–любовника и ухмыльнулась.

– Доигрался?

Доктор не шелохнулся.

– Лёня, вставай, хватит придуряться!

Но Лёня по-прежнему придурялся, оставаясь без движения.

Кэт рванулась к нему.

– Ты что? Вставай же! Не пугай меня! — она потрянула доктора за плечи. Его голова безвольно упала.

Кэт перепугалась не на шутку, вспомнила свои познания в медицине, пощупала пульс на сонных артериях. Нет пульса! Кэт раскрыла веки морфолога и ничего не поняла. Зрачки на месте, что ещё? А! Точно! Кэт прикрыла ладонью свет, затем убрала руку. Что же нужно увидеть в зрачках? Неизвестно.

– Да ну её в баню, эту медицину! — в сердцах воскликнула она и принялась за собственный, безотказный метод реанимации.

Уже через несколько секунд она ощутила жизненную силу Леонида Леонидовича. Ощутила и перепугалась. Это же совсем не он!!!

Леонид Леонидович раскрыл глаза и ужаснулся. Он лежит в лаборатории с расстёгнутой ширинкой, а рядом отрубившаяся Кэт!

Она что, пьяна?

А он?

Что вообще произошло? Почему Кэт вырубилась в столь щекотливом положении?

Леонид Леонидович сунул руку к промежности, не понял! Затем взглянул на то, что держит в ладони, и грохнулся в обморок вслед за Кэт.

И было от чего. Размера-то не доставало более двух третих!

Глава 5

Алекс Строэн в течение нескольких часов внимательно наблюдал за монитором. Глаза так устали, словно кто-то насыпал песку за веки. И это, несмотря на многолетнюю привычку!

Он дважды проделал упражнения для расслабления глаз, но безуспешно. Усталость не отступала. Что-то тревожило его. Что? Интуиция?

Глупости, Алекс не признавал такого явления. Чувство опасности, вот что это такое.

В последние годы лишь один раз довелось Алексу так устать. Это когда он вовремя почуял вмешательство Браши Ламы во внутренние дела США. Готовилась внутренняя экспансия: развал Штатов по сценарию СССР. «Первые семь» начали претендовать на отделение. Мол, штаты штатами, а Новая Англия и есть центр мирового господства! Лама так проконопатил мозги обывателям, что те умудрились убедить правительство в необходимости такого шага. Взбудоражен-

ные спецслужбы искали причину в деятельности уже несуществующей КГБ, в происках коммунистов, масонов, кого-то ещё, включая электронный мозг. Только Алекс Строэн сумел разобраться, что к чему. Тогда его не хотели слушать, кое-кто пытался обвинить в паникёрстве, но только его методика помогла вернуть равновесие.

Что же теперь? Какая может быть опасность? Единая энергетическая система электронного мозга полностью в руках Алекса Строэна, впереди немислимые перспективы! И вдруг, усталость. В несколько раз сильнее, чем тогда, при бунте Новой Англии. Это Браши-Лама, не иначе!

Алекс изо всех сил зажмурил глаза и нервно выругался. Какие глупцы, эти цивилизованные люди! Изобрели машину и полагают, что весь мир у их ног! Всё остальное — анахронизмы. Лама успешно доказал обратное, но никто этого не понял. Пожалуй, только один Алекс догадался: какая сила заключена в биоэнергетике. Да ещё кое-кто из Центра паранормальных явлений, который немедленно возглавил Алекс Строэн. Задачу он поставил простую — подчинить себе эту странную силу

И Центр занялся этой проблемой. Любые формы колдовства, какими бы сильными они не были, бессильны перед человеческим разумом! Это доказала ещё инквизиция, спасая колдунов очистительным пламенем своих костров. Сгорали все одинаково: будь то колдуны или праведники! И пусть этот самый Лама хоть тысячу раз перевоплощается: уничто-

жим и бабочку его, и любую другую зверушку! Мало того, заставим работать на нас!

Так полагают все сотрудники Центра.

Так тому и быть!

Любые происки обнаружим и нивелируем. Осталось только обнаружить. Но монитор молчал. Ни одной зацепки!

Алекс изучил данные со всего мира, последовательно просмотрев места предполагаемой угрозы, включая дикие африканские племена. Тибет, как обычно, заволочен туманом. Завеса плотная, без пертурбаций энергии. Значит, всё спокойно.

Тогда, отчего так тревожно?

Алекс вызвал правую руку, Бена Хейворда.

– Аврал, босс?

– Похоже на то. Я уже исследовал весь мир.

– Босс, а как насчёт России? — осторожно спросил Бен, зная, в какую ярость может прийти Алекс от упоминания об этой части суши, давно уже списанной со счёта как потенциального Противника. Но в интересах дела, стоило рискнуть.

На удивление Алекс не отреагировал. Вероятно, настолько устал, что молча согласился. Он щёлкнул тумблером и проник в ранее знакомую, теперь основательно подзабытую зону.

– Тишь да гладь, — сказал Бен, глядя на экран. Он хотел добавить что-то ещё, но его прервал жестом Алекс.

– Видишь? – босс ткнул указательным пальцем в самый

уголок изображения. Там светилась и мигала мелкая точка, принимая причудливые очертания магических фигурок, непонятных непосвящённому.

– Вот тебе и Россия! — воскликнул Бен, ошарашенный увиденным.

– Вот тебе и Юрьев день! — согласился Алекс, бравируя знанием русских поговорок. От сердца отлегло. Источник тревоги обнаружен. Теперь, действовать!

Пять минут спустя левая рука босса, Орвилл Янг принялся исследовать регион опасности.

Осталось ждать да отдыхать. Электронный мозг» сделает своё дело. Алекс расслабился и достиг почти полной релаксации. Только крошечная частичка его мозга оставалась в напряжении, что объяснялось непредсказуемостью России. Впрочем, с этим можно сладить. Запросто!

Алекс вызвал машину и отправился в бассейн, приказав вызывать его при любых изменениях. Орвилл улыбнулся ему вслед.

Так босс прощался лишь тогда, когда абсолютно всё под контролем. Так оно и было и иначе быть не могло.

Глава 6

– Иначе и быть не могло! — стукнул себя по лбу Афоня. Застав Кэт, лежащей рядом с её шефом без сознания, Афоня безразлично посмотрел на высунутый наружу огрызок мор-

фолога Лупина.

– Тьфу!

Афоня усмехнулся. Быстро же он адаптировался к новому члену–органу! Поначалу испытывал неудобства. Во-первых, с одеждой: казалось, что-то выпирает и жмёт. Во-вторых, и в самых главных, увы, придётся забыть о нормальном сексе, разве что с лошадю. Всё компенсировало чувство превосходства перед окружающими! Афоня стоял над уличёнными любовниками, ухмыляясь, совсем позабыв, что у него-то: совсем не его член.

Афоня, стараясь не создавать шума, попятился и выскочил вон. Вот значит, с кем она балдеет! Вот значит, почему ему от ворот поворот! С шефом спит! Ну, дура, ты ещё пожалеешь!

А дура уже пожалела, о чём и свидетельствовало её бессознательное состояние.

Кэт очнулась первой, ещё раз посмотрела на Лупина. Так вот почему он огрызнулся, избежав близости! Да, проблема у мужика. Серьёзная проблема. Но это — его проблема! Кэт брезгливо застегнула ширинку шефа, едва не зацепив молнией крайнюю плоть опозоренного Лупина. Ещё вчера всё было при месте, как же так? Впрочем, она не стала ломать голову, а сделала свои выводы. Теперь начальник станет шёлковым, и безо всяких домогательств. Стоит ей только намекнуть на проблему шефа, как ему конец! Без конца! Кэт захихикала вновь рождённому каламбуру. Кажется, она кому-то

уже такое говорила? Кэт задумалась, припоминая с нежностью поправила чёлочку, погладив красиво очерченный лобик, немного нахмурилась.

Стон прервал её размышления. Поднимался доктор.

– Ты видела? – с ужасом спросил он.

– Видела, – раздельно и отчётливо произнесла любовница, экс-любовница, то есть. А к чему скрывать очевидное?

– Видела, – поник головой Лупин и повторил: — Видела.

– Видела, видела! Ну и что?! От чего такой загробный тон, Леонид Леонидович?

– Так ты понимаешь? — вылупил глаза морфолог.

– Будь мужиком, Лёня! Хотя это, пожалуй, уже не совсем возможно, — жестоко добавила она.

Лупин осунулся и промолчал.

– А знаешь почему?

– Что? Что почему?

– А потому, – Кэт закатила глазки, — что это было у тебя единственным достоинством! И ты стал наглеть, дорогой! Вот Бог и лишил тебя счастья, понял?

– Глупость какая-то, — пробормотал Леонид Леонидович. — Вначале казуистика в микропрепарате, теперь вот это

Но говорил он уже самому себе. Кэт, издевательски крутанув тугими бёдрами, с достоинством удалилась.

Лупин погладил побитую макушку, надо же! Шишка здоровенная.

Неужели так бывает? Удар по голове — потеря члена?

Он вновь исследовал пострадавший орган. Ерунда, бывает и меньше, когда вылезает из холоднющей воды, например. Когда встанет, увеличится до нормы! Эта мысль успокоила. Лупин поглядел на разбитый микроскоп.

Какая она свинья! Развалился тубус, о восстановлении нет и речи! Он улыбнулся. Именно эта экзальтированность и нравилась ему в Кэт.

Лупин подбежал к столу. Повезло. Эта дура не сумела расколотить предметное стёклышко. Когда Кэт схватила микроскоп, препарат соскользнул с предметного столика. Теперь он лежал на краешке стола. Стёклышко прямоугольной формы, с синим пятнышком посередине, всё-таки дало трещину. Опять повезло: скол прошёл в двух миллиметрах от препарата!

Хоть одна хорошая новость после удара по башке. Лупин аккуратно обернул стёклышко вощёной бумагой и помчался в центральную лабораторию. Там-то уж разберутся! И если он не дурак, в чём сам нимало не сомневался, только за этот единственный случай можно заработать себе мировое имя в науке!

Если повезёт, а повезёт непременно!!!

Глава 7

— Итак, бойтесь же печати антихриста, и да будет Господь с вами! — отец Мефодий закончил проповедь в интернете.

Николай Иванович Апостолов отключил компьютер и задумался. В последнее время слишком много предупреждений от отцов церкви. Это неспроста. Нечто подобное наблюдалось перед семнадцатым годом двадцатого века, и тоже ускользнуло от внимания современников. Был же антихрист. Теперь-то никто не спорит. Но если сейчас его царствование, как предсказывалось, чего ещё бояться? Какой печати?

Он мысленно повторил основные положения проповеди. Похоже на бред, но с другой стороны именно в таком бреде возможна истина!

Итак, что мы имеем, согласно тексту проповеди?

Тяга к мировому господству — неоспоримо!

Достижение безграничной власти над людьми — желательно!

Удовлетворение всех своих потребностей за счёт других — известно!

Всё это более чем понятно. Цели не новые, изменились методы достижения Кибернетика — разгадка всему.

Опять же, церковь всегда пугала людей любой новизной: всё-то им казалось происками дьявола. Если подумать, любое новшество и есть искомое. Аскетизм святых — не для людей! Дьявольски комфортно — совсем неплохо. Всемирная паутина — вещь, созданная исключительно на благо человека. Ну и что, что в Пентагоне, как утверждает отец Мефодий? В конце концов, все научные новшества идут в мир из области военной! На этот раз из американской, только и

всего. Может, и у нас кое-что имеется — сверхновое? Да и проповеди зависят от личности проповедников, слащавые импортные только и источают мёд да благодать, одновременно едва не похлопывая Христа по плечу: дескать, свой парень в доску! Наши же стараются доказать, что православие — единственно верное направление религии. Ортодоксы есть ортодоксы.

Апостолов к религии относился терпимо. Может, в силу своей фамилии? Он часто подшучивал над собой по этому поводу. Он крестился, изучил Библию, нашёл её весьма и весьма мудрой книгой. Апостолов избрал православную веру по голосу разума, а не иначе. Если католики отвергли Ветхий завет, то иудеи не признают Нового! Они взяли и поделили кладезь мудрости надвое. Это само по себе архиглупо! Другие религии Апостолов считал разновидностями трёх основных. Ислам не признавал вовсе. Мусульман считал выскочками. Самая молодая религия мира, надо же! Они-де не пожелали принять существующую веру, явившегося им пророка, приняли за посланника своего Бога.

Бог же един, даже триедин. В этом Апостолов ничуть не сомневался. Только вот, считал себя как-то неуютно, что ли? Он не понимал, для чего: церковные обряды, посты, молитвы? Он не привык бросать дело в самом начале, не разобравшись. Поэтому Апостолов изучил историю православия и нашёл неожиданные результаты. Оказалось, что устройство мира продумано, от и до. Нет ничего лишнего и всего хвата-

ет. Николай Иванович понимал это, даже принимал, но колебался. По его мнению, Господь Бог и его служители — не одно и то же! Если канонизируют царя-убийцу, как это понять? Хоть один святой убил кого, приказал уничтожить по своей воле? Нет.

Тогда как верить отцам церкви? Апостолов стал различать их как людей, со всеми особенностями их характеров. К отцу Мефодию он прислушивался, чувствуя ум этого человека. До сегодняшнего дня этот проповедник говорил здравые мысли, а теперь что? Окунулся в кликушество. Или нет?

Николай Иванович продолжил мысленный анализ проповеди. Тиранизм существовал и ранее, но по отдельности, а теперь происходит его слияние — глобализация Действительно, что было раньше? Битвы гигантов, в результате которых один тиран побеждал другого силами народа вверенной ему страны. Какая тут независимость? К рабу возвращался его же, знакомый до боли, причём в буквальном смысле, господин. Отец Мефодий говорит, что господа теперь решили объединиться. Что в этом плохого? Проповедник отвечает так: «Если человек, созданный по образу и подобию Божьему, был раньше независим хотя бы от заморского диктатора, то теперь теряет и эту свободу»!

В этом здравый смысл проповеди. А дальше высказывания совсем непонятные, чуть ли не революционные!

«Человек создан свободным! Ему даны все остальные твари на земле, а не наоборот!»

Тогда почему человеку даны и помазанники Божии? На этот вопрос Апостолов ответил вслух:

– Чтобы избежать анархии на земле!

Что плохого, если всеми народами будет руководить единый земной пастырь? Николай Иванович задумался. Ответ сам по себе пришёл в голову. Этот пастырь — не человек! Это порок и беззаконие! Когда нарушается закон, непридуманный человеком, но святые скрижали, врученные Моисею в незапамятные времена! Золотой телец — вот она, разгадка! Именно об этом говорил отец Мефодий.

Потом проповедник сказал чепуху. Печать? Так просто до гениальности — каждому по печати на лоб! Глупо. Глупо поверить в это. Или, или это иносказательно? Поскольку «слышать не слышите и не разумеете?» Это притча? Что такое лоб? Чело. Человек, Век, чело. Порабощение чела на век.

Далее отец Мефодий говорит совсем фантастические вещи. Кто-то, где-то одним движением пальца заставит двигаться целую массу людей в нужном ему направлении: воевать, страдать, любить, умирать. И всё во славу этому господину. Допустим, человек будет подчиняться, зарабатывать деньги и другие материальные блага для своих господ. Ведь не один же будет у пульта управления. Тогда, кто эти господа?

Отец Мефодий ответил и на этот вопрос. С ним согласится даже ярый марксист, а уж Николай Иванович и подавно.

Вот так, разобрав проповедь по полочкам, Апостолов

вник в её смысл. Всё стало ясным как Божий день!

Чтобы ещё раз убедиться в правильности своих выводов, Апостолов подключил знакомый сайт.

На экране после заставки перед проповедью замельтешил мультик про Микки Мауса! Предупреждал отец Мефодий, что не потерпят такой проповеди заинтересованные лица? Предупреждал. Но почему-то Николай Иванович воспринял его слова ораторским приёмом усиления, сгущения красок.

Отец Мефодий прав на все сто! У профессионального моралиста Апостолова Николая Ивановича появился серьёзный повод задуматься о судьбах мира. И не только задуматься.

Глава 8

– Какие новости? — спросил Фёдор Федотович.

– Появилось непонятное научное открытие, — отрапортовал доцент Якушев. — Не столько открытие, как казуистический факт.

– Ну, и? Дело-то в чём?

– В том-то и перец, что дела-то никакого! Так, чушь собачья! Некий морфолог Лупин Леонид Леонидович вскрыл факт, противоречащий всем канонам медицины!

– Исключение лишь подтверждает правило, — мудро изрёк профессор. Никакой заинтересованности не проявил. Какую только чепуху ему не подсовывают в последнее время!

Это когда каждая минута на счету! Вот-вот произойдёт важное событие в мире, а они опять останутся не у дел. Акульева давным-давно теребили сильные мира сего: где результаты? Где? На кой им содержать контору, если толку от неё нуль по Кельвину? Не проще ли изыскать другие методы?

Яков Яковлевич продолжил.

– Твёрдый шанкр в желудке!

– Не понял.

– Я сам не понял, да и обнаруживший этот факт — тоже! И вообще никто ничего не понял! Но факт остаётся фактом.

– Насколько я помню из медицины, твёрдый шанкр — это первичный сифилис, эдакая язвочка в месте контакта, «чем согрешил», как говорят французы. Можно ли согрешить желудком?

– К тому же, это был мужчина.

– Я понимаю, сейчас есть мужчины, использующие для этого заднее отверстие пищеварительного тракта, — рассуждал профессор, — но не до желудка же! Сколько метров во всём кишечнике надо пройти, чтобы добраться до желудка?

– Дикость, конечно, — согласился Якушев, — даже если через пищевод И то, сомнительно.

– Какие мы с тобой пошляки, Яков Яковлевич! — профессор весело посмотрел на подчинённого. Якушев смущённо улыбнулся, но ничего не понял.

– Сифилис, как и СПИД, передаётся через кровь, верно? Покойник согрешил желудком!

– Вампиризм?

– А что другое?

– Так ведь, это по нашему профилю!

– В самую точку! И почему вы докладываете как о какой-то чепухе? Почему этот факт не изучен? Или вы были заняты поисками Лошадь?

Профессор знал, о чём спросить. Лошадь пропал. Он не оставил никаких следов, выйдя из кабинета профессора. Дома его не было. Родственников Лошадь не имел.

– Не иначе, как захвачен иностранной разведкой! — пошутила Настя, посвящённая в некоторые дела руководителей. Остальные работники Конторы выполняли разовые поручения, не имея ни малейшего понятия об общей цели. Например, моралист Апостолов. Настю просто смех разбирал от его одухотворённого лица! Чудак, он полагал, что учреждение находится в поиске национальной идеи! Секретарша сама точно не знала целей Конторы, но была твёрдо убеждена, что одной национальной идеи мало. Кто станет за идею платить ей столько, сколько зарабатывает голливудская звезда среднего пошиба?

– Скорее всего, случайность, — пролепетал Якушев.

– Случайность, что?

– Шанкр этот.

– Что бывает случайно?

– Ничего, – заученно ответил доцент, — помимо причинно-следственных, существуют причинно-временные связи.

– Будете читать лекцию, коллега?

Шеф упорно «выкал», что не предвещало ничего хорошего.

– Нет. Я просто хотел показать, что ещё кое-что помню, — попробовал отшутиться Якушев.

– Хоть это неплохо, — великодушно согласился Акульев. — А теперь мне быстренько, в течение дня найти Лошадя и определиться с шанкром!

Похоже, профессор сменил гнев на милость. Якушев картинно щёлкнул каблукком, выкрикнул: «Яволь!» — и помчался выполнять.

Так уж было заведено, что в Конторе подчинённые отвечали: «Яволь!» Если сказать: «Есть», — будет похоже на известное «йес», только «сэр» останется добавить, чтобы выглядеть американским болванчиком! Если сказать: «Так точно» — советский болванчик получится, да ещё и пижон! Вот так объяснял Акульев, не уточняя происхождения слова «яволь».

Профессор Акульев был крайне недовольным ходом дел. Уже три года как существовала его Контора, а воз и ныне там! Американцы ушли далеко и, похоже, не собираются останавливаться. А он по-прежнему морочит голову олигархам, стрижёт их как баранов, а результатов — никаких! Так можно и голову потерять, в прямом смысле.

Профессор разозлился. Ещё вчера было всё под контролем, самый мелкий шабаш! Ни один колдунишка не остался

незамеченным, а теперь, два случая подряд! Появление Лошади нечисто. После чего начались неподконтрольные события. Больше всего Акульева беспокоила запись медитации этого придурка. Не его слюни пузырями, а в самом дальнем уголке кадра — лотос! Чем больше кривлялся Лошадь, тем сильнее проявлялся цветок. Он рос на глазах. В несколько мгновений из чахлого росточка полностью распустился Что это? Монтаж? Может быть. Но зачем и кому нужно ввести в заблуждение Контору?

Акульев тяжело вздохнул. За Державу обидно!

Обыватель спит себе спокойно, обсуждает мировые проблемы, тогда как над ним зависла необратимая угроза невидимой агрессии и порабощения! Из того же самого Пентагона! Не шуточки, и не коммунистические страшилки — кибернетика! Необходимо что-то предпринять, но что? Профессор прикидывал в уме всевозможные варианты, да так и не остановился ни на одном из них. К тому же заявился моралист.

– Фёдор Федотович, здравствуйте!

– Здравствуйте, Николай Иванович! Что скажете?

– Мне непонятно, чем мы занимаемся?

– Ах, дорогой мой, если бы я знал, чем мы занимаемся, стал бы уже трёхкратным лауреатом Нобелевской премии!

– Я не шучу.

– Как это ни странно, я тоже, коллега! — профессор похлопал по плечу академика. — Что вас беспокоило?

– Мы занимаемся поиском национальной идеи, так?

– Конечно.

– Так в чём же дело? Почему мы не прислушиваемся к голосу разума?

– Я вас, Николай Иванович, прекрасно понимаю. Всё, что вы предлагаете, очень даже хорошо! Очень. Тем более, испытано временем. Только есть одно маленькое но!

– Какое же?

– Дело-то в том, что национальная идея должна объединять народ. Не так ли?

– Безусловно.

– А ваша концепция, мягко говоря, разъединяет!

– Почему это? — не согласился Апостолов. — Наоборот!

Вы же читали программу!

– Да! Я полностью согласен! Всё учтено, идея неплохая, но ещё раз повторю.

– Позвольте перебить вас, Фёдор Федотович! — не дожидаясь позволения, перебил Апостолов. — В программе даже не звучит национальность, как таковая!

– Всё понятно! Гомо советикус!

– Отчего же так грубо?

– Извини, дорогой! Так уж проскальзывает между строк!

– Но вы согласны, что Россию населяют не только русские?

– Поймите, Николай Иванович, за границей нет никаких чеченцев, ни белорусов, ни хохлов, ни чукчей, для них мы

все поголовно — русские!

– Мы разрабатываем национальную идею для заграницы?

– Да как вы не поймёте, дорогой Николай Иванович? Не для заграницы как раз, а для себя. Точнее, для защиты себя от этой самой заграницы! — разоткровенничался Акульев.

— Давайте присядем, не ругаться же вы пришли?

– Конечно же, нет!

– Настя! Два кофе! А теперь давайте подойдём к вопросу без лишних эмоций, — пригласил Акульев, отхлёбывая горячий кофе. — Ваша основа, какова?

Апостолов в ответ приподнялся в кресле, но Фёдор Федотович вытянул руку:

– Я сам отвечу! Сам, — он вдохнул побольше воздуха. — Православная вера!

Николай Иванович кивнул.

– А в России помимо православных есть мусульмане, католики, иудеи, буддисты, всякие там сектанты и баптисты!

– Вы забыли основную часть населения: атеистов, — улыбнулся Апостолов

– А ещё сатанистов!

– И гармонистов, — эхом отозвался Апостолов

– Шутить будем?

– А что ещё остаётся? Почему мой проект до сих пор не показан президенту?

– Ну, — развёл руками Акульев, — вы же знаете, это не от нас с вами зависит!

– Назовите имя!

– Президента?

– Его секретарши!

– Мил человек! Так дела не делаются! Как вы изволите обижаться, когда Отечество в опасности?! — выпалил Фёдор Федотович.

– О какой опасности вы говорите? — уцепился Апостолов

– О какой? – профессор перешёл на полулегальный шёпот. — Вы слышали о печати?

– Антихриста? – нарушил заговорщицкую тишину Апостолов

– Т-ш, – прижал палец к губам Акульев, — да вы что? Это служители церкви болтают. Слышали звон да не знают, где он! — после этого профессор перешёл на полный шёпот, приблизился к уху собеседника и поведал об операции спецслужб США «Маркер». В нескольких словах он выразил мысль о системе глобального контроля, разбавив её системой ПРО США. В результате Апостолов совсем запутался, но смотрел на профессора института паранормальных исследований совсем другими глазами. Подтвердились его наихудшие опасения. Правильно он расшифровал проповедь отца Мефодия. Вот оно как! И он, Апостолов Николай Иванович, оказывается, давным-давно имеет к этому самое прямое отношение.

– Значит, что касается меня как разработчика национальной идеи, то мне необходимо привнести в неё некий элемент

жёсткости, я правильно понял?

– Безусловно, – согласился Акульев. — Мы достаточно долго пускаем слюни перед мировым агрессором! Нас должны уважать, а не ставить на одну ступеньку с аборигенами Африки, из которых можно плести верёвки!

– Вы полагаете, если они станут нас уважать, то откажутся от своего замысла?

– Безусловно! А как иначе? Разве им приходила в голову такая идея при СССР?

– Тогда уровень техники был другим.

– Чепуха, дорогой мой! План у них существовал давно, но осуществить его они и не пытались. А знаете почему?

– Боялись империи зла?

– Именно! Страх — единственное сдерживающее обстоятельство!

– Теперь вы поняли, дорогой Николай Иванович, что христианская мораль Православия не годится для устрашения?

– Так вы полагаете православных христиан слюнтяями? И не у нас были богатыри-иноки: Ослябя и Пересвет? Князь Александр Невский?

– Да вовсе нет! Как вы могли такое подумать? — возмутился Акульев. — Но, увы, церковь отделена от государства, и уже давно! Сейчас политика иная. Мы с вами говорим не о нравственности, а о политике! Да, православная доктрина непобедима. Но с другой стороны, существует угроза исламского мира! Не стоит забывать об этом ни в коем случае!

– Так вы полагаете, угроза мусульманского мира существует?

– А вы нет?

– Тогда тем более! — Апостолов вновь ухватился за свою идею, но Акульев прервал его.

– Тем более! Тем более! — дважды повторил он. — У нас в стране сколько мусульман? Вы хотите взрыва изнутри? И это вместо идеи единения?!

– По-вашему, мы должны объединиться с Западом?

– Отнюдь! — замахал руками Фёдор Федотович. — Ни в коем случае! Никакого объединения! Речь идёт о союзничестве с позиции силы. Точь также, как во второй мировой, да и в первой тоже!

– Полагаете, в третьей будет то же самое?

– Конечно же! Всё равно мы победим!

– А печать?

– Это несбыточная мечта, извините за анахронизм, зажавшихся капиталистов!

– Такая ли несбыточная?

– Для чего нам ломать голову: сбыточная — несбыточная?

Наша прямая задача — заставить уважать нашу Родину, отказавшись от любых вмешательств и экспериментов! Будто печать или третья мировая война! Сотрудничество с позиции силы — вот вершина, которой следует достичь! Если мы будем мыслить приземлёнными категориями, тогда и дело-то у нас пойдёт в гору!

- Мне всё ясно, — Николай Иванович поднялся. — Один вопрос, можно?
- Спрашивайте, — разрешил Акульев, глядя в глаза моралисту
- Для чего Конторе все эти паранормальные явления?
- Вы по поводу нашей вывески? Так это легко объяснить, «Рога и копыта», помните?
- Конечно, — кивнул Апостолов. — Но и туда приволокли мешок рожек, не так ли?
- Издержки производства, понимаете?
- Да. Только вот.
- Спрашивайте же! — приказал Акульев
- Я слышал, что в Конторе занимаются колдовством. Мы что, хотим показать Западу козу? Или напугать Америку ведьмами?
- А вы помните процесс охоты на ведьм? — спросил жёстким голосом Акульев и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Ваша задача, мил человек, разработка национальной идеи, а вопросы безопасности в иной компетенции.
- Апостолов понял, что его деликатно поставили на место, что называется. Академик кивнул и попрощался.
- Расстались они друзьями и тёплыми товарищами.

Глава 9

Американский коллега парapsихолог, известный самой

неширокой аудитории, Алекс Строзэн присутствовал на испытаниях новейшей степени защиты информации. В целом он остался доволен, но хмурая физиономия мешала казаться ему самым счастливым человеком. Состояние Алекса заметили компетентные лица и задали естественный вопрос:

– Отчего такая удручающе пессимистичная мина?

Пришлось отвечать:

– В России идёт какое-то движение материи, неподконтрольное системе ГК!

– Ну и что? Там один компьютер на сто тысяч человек, откуда угроза системе глобального контроля? Чего опасаться?

– Именно этого, именно неподконтрольности! От этих русских можно ожидать чего угодно!

– Ваша задача, — мягко напомнили ему, — определить: чего ожидать от этих русских! И сроку вам на всё про всё Совсем немного. Надеюсь, вы поняли?

Он понял. Вся система ПРО, то есть ГК, непригодна для использования в России. На её территории в последнее время кто-то создаёт сильные помехи, чувствуется рука Браши Ламы!

Из космоса сделать ничего нельзя. Что ж, если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе! Алекс Строзэн решил послать в Россию Левую руку — агента Орвилла Янга. Подготовка людей Алекса была превосходной, но этот сотрудник выделялся уникальной коммуникабельностью с этими русскими. Взять хотя бы Ичкеррию.

– Вы католик? – спросил босс Левую руку.

– В общем-то, да.

– Тогда возьмите с собой крест, пригодится.

– Вы думаете?

– Орвилл, я не думаю. Я приказываю!

Орвилл Янг повиновался. Начальству, как известно, виднее. Он получил инструктаж и несколько дней на подготовку к командировке в страну медведей, лаптей и самоваров. А ещё: колдунов, ведьм и домовых!

Задача ясна: обнаружить источник помех энергетическому полю и уничтожить его. При отсутствии такой возможности: остаться целым самому, вернуться и подробно доложить о происках этих странных русских.

Алекс Строэн задумался. Чего хотят русские? Показать мускулы, потрясти ядерной дубинкой? Глупо и бессмысленно. Тогда что? Так или иначе, русские решили играть в свою игру. И Браши-Лама тут совсем ни при чём. Очень бы хотелось в это верить, очень.

Глава 10

– И что же это такое? Дежа вю? — приторно сладким голосочком поинтересовалась ведущая телепередачи.

– Ну. Это. Так сказать, — употребляя массу слов-паразитов, вальяжно откинувшись в кресле, начал разъяснения немолодой и обрюзгший специалист: — В переводе на рус-

ский – «уже виденное».

– То есть, это когда человек принимает какие-то события, происходящие с ним, имеющие место, как бы, — запуталась в потоке грамотных слов ведущая, — то есть, случающееся нынче, принимаются за давно прошедшие?

– Именно так, — покровительственно согласился специалист, — вроде бы и впервые, а на самом деле человеку кажется, что он уже это видел. То есть, это уже когда-то было.

– А нормально ли это?

– Так сказать, если правильно выразиться, иными словами, — продолжал источать словесный понос, приглашённый в студию специалист. — Если говорить прямо, без обиняков и экивоков, то это как бы и так.

– То есть, верно? — спросила ведущая, выпятив губки.

– Она что, в зеркало на себя смотрит что ли, сучка? — выразилась Степанида, заметив самолюбование ведущей. Трепят языками полчаса ни о чём! Степаниде было наплевать на содержание никчемной трепотни, она ждала сигнала. Пока он не поступил, и пришлось волей неволей наблюдать этих придурков. Эва как развалился специалист по паранормальным явлениям! А гриму-то, гриму! Постарел на десяток лет от него! Как там его? Яков Яковлевич? Ещё и доцент! Вот оно — воплощение человеческой тупости! С важным видом выдаёт истины, типа: «Волга впадает в Каспийское море,» — но с такими обиняками, что не только телезрителям, но и рядом сидящей безмозглой нарцисске ничегошеньки непо-

нятно! И откуда она берёт такие вопросы?

Пока Степанида рассуждала, передача шла своим чередом. Якушев нёс галиматью и околесицу, занимая эфирное время. Приказ шефа!

Доцент не знал, для чего пришлось изображать из себя конченого идиота, этакого всезнайку. Акульев приказал ему, как можно дольше рассусоливать одну тему, не позволяя ведущей переключиться на иной лад. Это объяснялось просто: нельзя сбивать монотонный темп беседы — менять тембр и эмоционально тупой настрой.

Глупенькая, совсем несимпатичная ведущая читала варианты вопросов с экрана, расположенного перед нею. Люди посообразительнее писали ей реплики. Один из них не сходил с её поля зрения и слащаво улыбался, шевеля сексуальными усами. Для него-то и поправляла ведущая свою жиденькую чёлочку и томно улыбалась в телекамеру. Продюсер передачи почему-то считал, что каждый телезритель станет воспринимать эти похотливые взгляды на свой счёт, и рейтинг передачи безудержно поползёт вверх!

На самом деле мужички почему-то переключали канал. Нисколько не заинтригованные глазками ведущей, они с большим удовольствием смотрели рекламу, чем эту передачку с её идиотскими проблемами.

И только два человека на всю необъятную Россию неотрывно уставились в экран телевизора: Фёдор Федотович Акульев и Степанида. Они-то знали, что нужно увидеть!

Правда, Акульев это что-то представлял неясно, в отличие от своей напарницы, об участии которой в приёме сигнала не мог и подозревать.

Яков Яковлевич, следуя указаниям, продолжал жевать тему

– Таким образом, то есть, так сказать, это самое дежа вю, встречается между тем достаточно часто. Можно сказать, как бы повседневно.

– Это значит, что каждый человек способен обладать паранормальными способностями?

– Да, именно такая ситуация, — Якушев всё-таки не удержался и поддел ведущую: — Способен обладать способностями!

Она только мигнула в ответ накладными ресницами.

– То есть, не совсем способен способностью обладать аналогичным способом способности! – доцент явно развлекался и стал перегибать палку.

Акульев поморщился. Где же ваша хвалёная выдержка, Яков Яковлевич?

И в это самое время профессор уловил нечто на экране телевизора. Что это, он не понял, но напрягся всем телом: каждая волосинка мышц воспринимала информацию. Он решил сохранить в себе впечатление от увиденного, а потом уж проанализировать информацию.

Степанида не напрягаясь, прочла информацию с трёх точек с крестиком, мелькнувших в левом верхнем углу экрана.

В тот самый момент, когда Якушев сказал:

– Возможно, это отголоски снов, или так называемой прошлой жизни. Но, поскольку, такой точки зрения придерживаются далеко не все, между тем, э-э

– Идиот! – одновременно сказали независимые наблюдатели. После чего и Степанида, и Фёдор Федотович отрубил телик.

Эфирное время подходило к концу. Ведущая почему-то перестала читать шпаргалочки и проявила самостоятельность.

– Так значит, прошлые жизни — это не миф?

– Э-м, как тут сказать? — сам себя спросил доцент, упрямо продолжая гнуть линию непонятого ответа. — Как бы и миф, а как бы, и легенда!

– Так легенда или миф? — не отставала ведущая, не обращая внимания на бешеную артикуляцию вежливого сатира, вперившегося в неё дикими глазами. Он почти вслух орал: «Время! Время!»

– Не совсем так. Поскольку, между тем, как бы и так, — выдавил Якушев.

– Значит, это возможно? Реинкарнация?

– Согласно некоторым поверьям, учениям так сказать, — опять понёс галиматью доцент, но Усач вышел из-за стеклянной перегородки и что есть силы заколотил по наручным часам двумя пальцами, обращаясь к гостю передачи.

Ведущая, наконец, его заметила и сказала:

– Уважаемый Яков Яковлевич, только одно слово: Да или нет?

– Скорее, да! — сказал Якушев, но тут же поправился. — Между тем, вроде, бы как с точки зрения здравого смысла, скорее всего нет, чем да.

Но эту реплику отрезали. Ведущая попрощалась, призвав всех писать на любимую передачу.

Олечка Богатова продолжала тупо смотреть на экран с титрами адреса передачи. Её привлёк к ящику внезапно отключившийся пылесос. Она внимательно прослушала последние реплики участников шоу.

Вот значит, оно как! Прошлая жизнь в принципе возможна!

Значит, она всегда была Богатовой, а не Брюхатовой! Это самое «де жа вю» бывает у неё по нескольку раз на дню! Значит, она «способна обладать способностью»! Вот как!

«Медитируй, медитируй и ещё раз медитируй!» Так сказала ей Степанида.

Олечка отпихнула ногой отключенный пылесос и уселась в позе Лотоса. Богатова совсем не знала, откуда ей известна эта поза, и зачем принимать её, зато уже через несколько минут ощутила себя парящей над городом. Над домами, дорогами, дворами. Чувство свободного полета охватило её, восторг переполнял душу. Как великолепно!

Люди смотрели на неё и не видели её. Каждый занимался своим делом, причём весьма активно и непонятно. Один

старичок, например, посреди улицы колотил себе домовину. Он периодически примерял гроб на себя, а рядом стоял деревянный крест с надписью даты смерти: послезавтра! Оля спустилась ниже и узнала старичка. Это её сосед!

– Дедушка Гриша, что вы тут делаете?

Дедушка услышал и поднял глаза к небу. Оля взглянула в них и отпрянула, точнее, воспарила на десяток метров! Она увидела белые глазницы: из правой, в самом её уголку, что-то темнело и свешивалось наружу. Хвостик червя! Фу ты, какая гадость! Богатова сплюнула и полетела дальше.

Попадались ещё какие-то люди, но уже совсем незнакомые. Оленька не обращала на них ни малейшего внимания. Её захватило неповторимое чувство невесомости и абсолютной безгрешности. Волны упругого тёплого воздуха то и дело слегка приподнимали её и плавно опускали. Это и есть воздушные ямы, подумала Оля и прикрыла глаза. Полёт утомил её. Оля вернулась в свою квартиру, застав себя сидящей посреди комнаты в позе Лотоса.

Дивное дело! Она облетела вокруг комнаты и очнулась.

Оля сидела на голом и неубранном полу, раскачиваясь из стороны в сторону. Она вскочила на ноги и щёлкнула тумблером пылесоса: работает!

Мадемуазель Богатова продолжила уборку квартиры, но впечатления полёта никак не покидали её голову

Бешено жужжал пылесос, втягивая всё подряд, в него попали мелкие тряпочки, которые только вчера Оля нарезала

из старого половика, хотелось что-то изобрести вроде прикроватного коврика. Теперь Оля безжалостно собирала эти лохмотья пылесосом, а на кой они? Если она свободно может стоять на голом полу на коленках, и хоть бы что! Аппарат захлёбывался и недовольно гремел на весь дом. Плевать!

– Да ет-ти её мать! Сколько можно греметь? — Афоня грозно посмотрел на потолок. Что там творится? Она что, окончательно сбрендила? То стучит по полу по ночам, то теперь врубилась какую-то пилораму на ночь глядя!

Понятно: несчастье у человека — отец умер, и детство тяжёлое — но всему есть предел.

Афоня приготовил гневную речь, поднялся наверх, позвонил.

Когда дверь приоткрылась, Афоня вздрогнул всем телом и стремглав слетел по ступенькам до своей площадки. В мгновение ока он оказался в собственной квартире. Афоня лихорадочно запер все замки и щеколды входной металлической двери, а затем — старенькой коммунистической, коммунально-деревянной.

Он стоял на пороге и цедил сквозь стучавшие зубы неизвестно откуда вспомненную молитву. Руки Афони дрожали, лоб покрылся липкой испариной.

Наверху по-прежнему шумел неистовый пылесос, и никто не думал вторгаться на территорию Афони.

Ничего не случилось.

Абсолютно ничего.

За исключением того, что в квартире наверху его радостно встретила та самая старуха, приветствуя трёхпалой кистью.

— Мистика какая-то! — сказал Афоня, выпив залпом рюмку водки. Сразу внутри потеплело, на душе стало спокойнее. Да и пылесос заткнулся.

Просто белка, решил он и успокоился. От белой горячки ещё никто не умер.

На такой мажорной ноте Афоня накушался родимой водочки, запуская периодически руку в штаны и удовлетворённо хмыкая. Раньше был чужим, зато теперь, это его член! И эта старуха не забрала обратно!

— Ха-ха-ха! — Афоня развеселился и успокоился окончательно. Настолько, что преспокойно вышел из квартиры и сгонял за пивком вдогонку к водке.

Глава 11

— Для чего живут люди? — повторила вопрос вслед за радио Кэт и ехидно захихикала, закатив глаза: — Для чего? Ха-ха-ха!

Она протёрла глаза и повернулась в кровати набок лицом к партнёру. Кэт посмотрела на него с интересом. О, ужас!

Он что, миллионер? Брезгливо морщась, Кэт осмотрела комнату. Обшарпанные зелёные обои, из мебели — железная кровать с панцирной сеткой. Бардак! Старенький ламповый радиоприёмник стоял посреди комнаты на голом полу с

огромными щелями, откуда высовывались, весело шевелясь, тараканьи усики.

Безобидные домашние насекомые почему-то очень больно задели её.

Да как же это так, люди добрые? Действительно, для чего она живёт? Для таких вот ночей с неизвестными типами? Что она ищет в своей жизни?

Кэт смутно помнила, как попала сюда. Кабак, какие-то мальчишки, выбор. Именно её выбор. При своих данных Кэт имеет право выбирать!

И «что» она выбрала? Это чудовище?

Вчера он казался намного симпатичнее.

Кэт сунула руку промеж его ног, тьфу!

Она подскочила, оделась и выскочила на лестничную площадку. От чувства непомерной брезгливости её вырвало. Вылетели вон все лонгеты–амареты, спазмы схватили горло и грудь. Кэт увидела содержимое желудка. От отвращения её вырвало снова.

Стало настолько плохо, что и жить расхотелось. Не то что регулярно, а вообще, просто жить.

– Бедняжка! Ломка? — выстрелом раздался в ушах мужской голос. Кэт вздрогнула всем телом, от стыда провалиться бы!

– Отравление, – твёрдо и дипломатично сказала она. Кэт не подросток и не малолетка какая, чтобы грубить незнакомым мужчинам.

– Интоксикация, – вежливо поправил незнакомец.

Откуда такой умный взялся? Кэт чуть не взорвалась от негодования, резко развернулась, готовая постоять за себя и осеклась.

Перед ней стоял солидный мужчина. Дядечка, так сказать. Галстук, всё остальное при нём. Неброско, но со вкусом. Благодарные проседи прямого пробора сразили её наповал.

– Вы?

– Я, Апостолов Николай Иванович, — представился дядечка.

– Кэт, – выдавила она, лихорадочно обтираясь платочком. — Извините, у меня такой страшный вид.

– Кэт? – не обращая внимания на извинения, переспросил Апостолов

– Знаете, была такая радистка?

– Ещё бы!

– Папа был без ума от этого фильма, так и назвал меня.

– И в паспорте так? — удивился Николай Иванович. Он не понимал, для чего продолжает разговор с этой дамочкой? В помощи она не нуждается.

– Да.

– Удивительно! Даже не Екатерина?

– Да, Кэт. Через «э».

– Чудны дела Твои, Господи, — пробормотал себе в нос

Апостолов и отправился вниз по лестнице.

Апостолов, как и все люди в последнее время, не удивил-

ся, увидев блюющую наркоманку в своём подъезде, как и отключенному спозаранку лифту. Но что-то в этой Кэт было необычное. Не похожа она на наркоманку. Но и на нормальную девушку тоже. Задумавшись, он продолжал спускаться.

– Николай Иванович, Николай Иванович! — кто-то дёрнул его за рукав у самого выхода во двор.

– Что случилось? — оглянулся Апостолов

Перед ним стояла та самая ненормальная девушка. Она впиалась глазами в его лицо.

– Кэт? Вы что-то хотели?

– Да! – сказала Кэт.

Апостолов не шелохнулся

– Я, понимаете ли. В общем, ничего. Извините! — Кэт резко развернулась к нему спиной, но с места не сдвинулась.

Апостолов пожал плечами и направился по своим делам.

Идиот! Кэт картинно заломила руки, но, услышав удаляющиеся шаги, поняла: он точно идиот. Нормальный позабыл бы всё: жену, службу и всё прочее, что там есть важного у мужиков. А этот даже не заинтересовался!

Кэт достала зеркальце и изучила себя. Всё при месте! Не испачкалось ничего! Её слегка мутило от воспоминания о тараканьих усиках, но улыбка-то, осталась прежней! Та самая обворожительная улыбка, от которой рвутся трусы у этих придурков! И та самая улыбка не сработала!

Кэт присела, облокотясь на облезлую стенку, и бессильно расплакалась.

Годы уходят. Уходят!!!

Скоро ей тридцатник, а толку? Никакого. Правду говорила бабушка, что сразу всё не бывает. Правда, она забывала продолжить, что если сразу будет чуть-чуть, то потом пойдёт только на убывание. Скоро самые плюгавенькие мужички перестанут обращать на неё внимание!

Через несколько лет она превратится в уродину. Грустно. Кэт стало так себя жаль, что она разрыдалась. Всхлипы содрогали её точёную фигурку.

Почему? Почему всё так погано? Почему какие-то сучки работают в офисах, спят с приятными дяденьками, за это ещё получают приличные бабки! Потом они же ездят по миру, где изменяют со всякими небритыми и грязными арабами этим самым дяденькам! А другие почему-то работают в грязном морге и даже не знают: для чего живут? И ради чего?

Вырастить сына, построить дом, посадить дерево? Какая чушь! Это не женское дело. А что же, женское? Сидеть дома квочкой, готовить, стирать, убирать? Ублажать своего муженька, который не сможет никогда в жизни купить ей простенькую дублёнку?

Чушь! Давно уже так никто не думает. Многие приобрели новую профессию и живут, ни в чём себе не отказывая.

— Так это ж, проститутки! — злобно сплюнула Кэт. Она-то не проститутка! Хотя бы потому, что не берёт денег за это. Да за что? Было бы за что, сама бы заплатила! Кэт сплюнула ещё раз.

И всё же, чего она хочет в этой жизни?

От напряжённой работы мозга разболелась голова. Кэт вспомнила знакомую фразу, откуда-то из романа что ли, и пропела её на несколько ладов:

– Я подумаю об этом завтра! Я, подумаю об этом завтра! Я подумаю, об этом завтра! Я подумаю об этом, завтра!

Разные мотивы одних тех же слов развеселили её. Кэт ещё раз взглянула на себя в зеркальце. Конечно же, осталась, как и всегда с похмелья, недовольной внешним видом, но бодро зашагала на службу.

У самой лаборатории что-то заставило её резко затормозить. Несмотря на получасовое опоздание, Кэт встала, как вкопанная, у крыльца и с оступевшей настороженностью уставилась на выходящего человека. Было от чего опешить!

Эlegantный мужчина средних лет степенно спускался с крылечка.

Он походя провёл взглядом, едва коснувшись Кэт. Но она заметила, как самые уголки его губ приветливо улыбнулись. Только одно мгновение встречи глаз, а Кэт уже поняла: это её мужчина!

Ничего не подозревающий «её мужчина» с достоинством уронил пепел сигареты как раз в сторону Кэт, но не взглянул на неё, а прошёл по тротуарчику в сторону дороги.

Кэт заморожено смотрела ему вслед. Внутреннее чувство говорило: никуда не денется, он уже твой! Так пусть себе топает по своим глупым делам. В самом деле, что стоит узнать

о цели его посещения их убогого заведения, а заодно: кто он и откуда! Потом Кэт обязательно повстречает его, а далее — дело техники. Не такая уж она и старая для него. Тем более, этот мужчина не был с женщиной больше месяца. В этом Кэт нисколько не сомневалась. Со странной уверенностью она часто спорила с подругами: угадает — не угадает? Кэт всегда угадывала. Причём с точностью почти до часа. Каким-то уму непостижимым образом она улавливала внутренний тонус мужчин, ощущала их сексуальную энергетику.

Кэт показала язык удаляющемуся незнакомцу. Он не был с женщиной больше месяца, но настоящую женщину не видел никогда в жизни! Что ж, у него ещё всё впереди!

Незнакомец чуть прибавил шаг и не оглянулся. Он ещё не понял, в какие сети попал! Кэт самодовольно улыбнулась. Пора на службу: неприлично стоять на крылечке и тупо смотреть вслед незнакомому мужчине. Она взлетела через низкие ступени, проскочила внутрь и нарочито громко хлопнула дверью. Посмотрев в окошко, Кэт заметила, что незнакомец не оглянулся, но что-то подсказало ей — заметил!

Кэт не ошиблась. Мужчина сразу понял, что дверь хлопнула нарочно. Оглядываться он, конечно же, не стал. Это непрофессионально. Орвилл Янг — профессиональный разведчик, а не какой-нибудь там утюг!

Девушка пожелала привлечь внимание. Зачем? Орвилл не то что мельком глянул на неё, но досконально изучил: девушка свободна, около тридцати, рост 155 (в России он

мыслил русскими категориями — футы и фунты автоматически вылетели из головы), вес 44 кг, фигура — фигурка, глаза чёрные, жгучие, волосы прямые русые, завиты искусственно, слегка потрёпаны, — нос правильный, на щёчках ямочки, губки полубантиком, ушки аккуратненькие, брови выщипаны, ресницы длинные — косметики минимум. Знает себе цену. Стервозности порядком, до денег не падка, но и не брезгует ими. Интеллект. Орвилл Янг прервал размышления, поймав себя на том, что начал оценивать её как женщину с совсем ненужными качествами для вербовки: глазки, щёчки, губки! Не иначе как медовая ловушка! Их встреча случайна, но в его службе не бывает случайностей!

Итак, интеллект, примерно, чуть ниже среднего по общим стандартам, по женским — очень даже неплохо.

Род деятельности. Служащая. Скорее всего, работница этой лаборатории. Доступ к секретной информации? Орвилл улыбнулся. Какая тут секретная информация? Но его мозг механически работал по накатанной схеме: категория вторая. То есть, информация специально не засекречена, доступ имеется, но никакого значения этому не придаётся

Что ещё? А ничего! Орвилл выбросил девушку из головы. Впереди агента АНБ ждали неотложные дела.

Глава 12

– Дорогой мой человек, — протянул Акульев, вальяжно

устроившись в кресле. — Что скажешь?

— Чувствуется вмешательство, шеф! — доцент Якушев вскинул острый подбородок.

— Ощущаю, — согласился профессор, — не рановато ли? Вы-то, милейший Яков Яковлевич, что на это скажете?

Акульев включил экран монитора. Якушев внимательно смотрел на самого себя в передаче. Звука не было. Для чего шеф показывает картинку? Что-то надо уловить. Якушев напрягся.

— Всё! — Акульев отключил экран. — И что?

— Ничего, — как-то виновато произнёс доцент.

— Да вы что? — вскипел профессор. — Как это, ничего?

Сам он не смотрел на экран, наблюдая за реакцией подчинённого. Теперь быстро прокрутил изображение, нашёл место передачи сигнала, затормозил изображение.

— Чёрт побери! — выругался Акульев.

На экране не было точек. Абсолютно никаких!

— Где система защиты?

— В смысле?

— В том самом смысле! — вскипел Акульев. — Как могло получиться?!

Якушев не знал, о чём речь. Он стоял навтыяжку, как оловянный солдатик. Осталось только рывкнуть: «Йес, сэр!» Глядя на него, Акульев рассмеялся.

— Ладно-ладно, — похлопал он по плечу доцента. — Откуда тебе это знать?

Якушев кивнул и улыбнулся в ответ. Похоже, шеф сменил гнев на милость — перешёл на ты.

– Запись стёрта!

– Что за запись?

– Передача сигнала.

– И ничего нельзя сделать?

– Разве мы не сотрудники института паранормальных явлений?

– Сотрудники, – согласился доцент, не понимая, куда клонит шеф?

– Вот и поднапряжёмся!

– Яволь! – Яков Яковлевич понял.

Коллеги разошлись по своим апартаментам. Якушев сел в кресло и прогнал прочь все свои мысли. Он постоянно прокручивал в голове ход телепередачи. Мысль плавно перетекала от фразы к фразе: от первой до последней. Зацепки никакой! Доцент проделал то же самое ещё раз. Теперь медленнее, ориентируясь на самые незначительные колебания воздуха. Он в точности воспроизвёл всё произошедшее с ним на студии. Но чего-то не хватало. Яков Яковлевич прокручивал всё заново и заново, вспоминая реакцию ведущей и её суфлёра. Наконец, поймал!

Вот оно! Дикторша почему-то перестала внимать поучениям своего хахаля по служебной необходимости, а начала говорить от себя. Якушев поначалу не придал этому никакого значения, но теперь сообразил.

В эфире произошло едва заметное колебание, что-то проникло в него. Ведущая отреагировала на подсознании. Иначе и быть не могло! Девушка с интеллектом среднеафриканской обезьянки уловила сигнал. В этом нет ничего удивительного. Известно: крысы смываются с корабля, животные убегают из лесу перед пожаром, землетрясением, потопом.

Реакция ведущей неожиданна. Она заявила протест! Это значит: поступила информация, побуждающая к действию. Возможно, с агрессией.

К сожалению, парапсихическая методика доцента не позволяла определить подробностей: ни кому адресовался сигнал, ни что именно содержал. Якушев перестал напрягаться и пошёл в кабинет шефа.

– Фёдор Федотович, — обратился он к Акульеву. Профессор кивнул, приготовившись слушать.

Яков Яковлевич подобрался и доложил по-военному, коротко и понятно.

– Ясно, — заключил профессор, прикрыв веки, — наша методика никуда не годится!

– Почему?

– Да потому! Потому что! Что вы узнали, милейший Яков Яковлевич? Это же муть! За такие способности ты не заслужил и хворостинки от костра инквизиции! Какой же ты колдун?

– Как же, — замялся доцент. — Мы ведь не колдуны и не маги.

– А простые копрофаги*! — весело прервал подчинённого профессор. — Ладно, не серчай, дорогой! Мне удалось записать кое-что в памяти. Пока её никто не стирает. Пока.

– А вы допускаете?

– А что допускаете вы, дорогой? Что вообще вы имели в виду под вмешательством?

– Америка.

*копрофаги: копрос — кал, фагос — пожирать (греч.).

– Как это банально!

– Банально, но факт! К нам направлен шпион для выяснения причин аномальной активности.

– Странно. Что же ему надо?

– Он занимается твёрдым шанкром, ещё какой-то ерундой. Парень способный: скоро выйдет на нашу Контору.

– А то они про нас ничего не знают!

– Как это ни странно, ничего! Америка перестала считать Россию потенциальным противником. Подзабыли.

– Скоро напомним, — Акульев хлопнул в ладоши. — Все-му своё время! Надеюсь, меры приняты?

– Да. Все системы заблокированы.

– Гарантии?

– Сто пятидесяти процентные! — отчеканил Якушев и тут же поправился: — Правда, такие гарантии может дать только идиот, но это так!

– Ладно, — отмахнулся профессор, занятый другими мыслями. В абсолютной надёжности охранной системы он не со-

мневался. Ни один человек никогда не сможет что-то узнать внутри конторы! Только вот, куда делась запись с экрана?

— Извините шеф, а кого вы имели в виду под вмешательством?

— Да я понятия не имею! Ты определил место и время передачи сигнала, так?

— Да.

— Вот. А сам сигнал где?

— Виноват.

— Ни в чём ты не виноват! Сигнал был на экране. Кстати, ты его верно поймал. Но он исчез!

— Америка? — осторожно повторил свою версию Якушев

— Нет.

— У них техника!

— А у нас мысль! Ощущаешь разницу?

— Так ведь, запись стёрта с экрана, не из головы!

— Им не придёт в голову лезть в наш допотопный компьютер! У них подобное барахло утилизировано сто лет назад!

Древность техники конторы гарантировала целостность информации. Новые и суперновые технологии не способны выудить информацию. Взломать систему Конторы современным методом невозможно. Это так же, как попробовать вскрыть гробницу фараона взрывчаткой: ни фараона, ни гробницы не получишь!

— Тогда, кто стёр запись? — Якушев перешёл на шёпот.
— Наши люди?

– Почему не все маги страны под контролем? — спросил профессор.

– Мы работаем всего-ничего, шеф.

– А это ты попытайся объяснить спонсорам!

– Я всегда! — Якушев отдернул полы воображаемой гимнастёрки.

– В твоих ораторских способностях я не сомневаюсь, — шеф окончательно подобрел, но щёки его покраснели от гнева. — А где Лошадь, мил человек? Почему шанкром занимаются уже американцы, а мы до сих пор ничего не знаем? А?!

– Лошадя нигде нет. Пропал бесследно, но ищем, а шанкр — это уже готово! Завтра же доложу подробно в письменной форме!

– Шанкр завтра, а Лошадь, полагаю, послезавтра?

– Яволь!

– За американцем ведётся наблюдение?

– А как же!

– Изучен?

– Почти.

– Опять недоделки?

– Он сам не знает, чего ищет.

– Мне неинтересно, что он знает, а чего нет! Что за личность?

– Пока уловлены только профессиональные мысли.

– И?

– Не знаю. Он сам недоумевает. Судя по его мыслям, при-

ехал с пустой целью, исключительно по прихоти босса.

– Алекса?

– Точно. Алекса Строэна, директора Центра парапсихологии и парамедицины.

– Чушь!

– Что?

– Что?!

– Что именно, чушь?

– Парапсихология и парамедицина!

– Нельзя недооценивать противника, — заявил Якушев, цитируя шефа.

– Вот именно! Слушай, Яков Яковлевич, а кем ты раньше был?

– Аналитиком, – не чувствуя подвоха ответил доцент.

– И куда делся твой аналитический склад ума? Почему ты запросто читаешь мысли, но совсем не анализируешь добытую информацию? Я буду этим заниматься? Или, может быть, Настя?

– Я всё понял. Это такая же Контора, как у нас.

– Тоже ищут национальную идею? — улыбнулся профессор.

– Нашу идею! — поправил Якушев

– Да плевать им на нашу нацию и её идею! Это и есть тот самый центр ГК!

– Тот самый? — переспросил Якушев. Его напугала и одновременно возбудила близость врага. Одно дело знать, что

где-то там за океаном есть центр глобального контроля, с которым следует бороться и победить. Другое дело, когда враг ненамалёванный! Пусть даже представлен безобидным супершпионом.

– Да, – подтвердил шеф.

– А при чём тут Лошадь?

Этого вопроса, пожалуй, задавать не стоило!

К сожалению, доцент не мог читать мысли шефа и заплатил за свою беспечность. Акульев не выдержал бесцеремонной тупости подчинённого! Он схватил увесистую пепельницу и швырнул в лоб доценту!

Разноцветные круги в глазах — вот что успел увидеть Яков Яковлевич перед тем, как потерять сознание.

Глава 13

Николай Иванович схватился за голову и вскрикнул: «Эврика!» Вот она — национальная идея! Как же раньше это не приходило в голову?!

В крайней степени возбуждения он вскочил со стула, прошёлся по кабинету взад вперёд, потирая руки. Это именно то, что необходимо и устроит абсолютно всех! Независимо от верований и традиций, такая идея объединит наш народ!

Заодно и внешним врагам станет как-то не по себе. Зауважают Россию. Ох, как зауважают! А идея проста: В здоровом теле — здоровый дух! Вот и всё!

Или иначе: мягче по звучанию — агрессивнее по смыслу:

Мы! Самая! Здоровая нация в мире! А нацию не уточнять.

Ещё проще: Россиянин — самый здоровый человек в мире!

Гуманно? Ещё бы!

Агрессивно? Может быть, но не явно же!

Мы хотим и станем самыми здоровыми людьми в мире! Не за счёт развития медицины, но изменив коренным образом стремление человека. Не к западным материальным ценностям, а по-восточному, к очищению души. Вкупе: и тело здорово, и дух!

Пусть станет порядочно и престижно быть здоровым!

Всё просто до гениальности! Рождается ребёнок, крохотулька, но уже желает стать самым здоровым человеком в мире! Большим быть стыдно! Вот так. При такой постановке умирающий встанет и пойдёт! Как же всё просто!

Оздоровление духа не противоречит православной концепции Апостола. Только он не станет кричать об этом во всё горло. Что ж, ради дела приходится быть дипломатом.

Апостолов засел за бумаги, чтобы обосновать свои мысли, упорядочить их, а потом представить Акульеву.

Итак, госзаказ выполнен. Как хорошо, когда работа совпадает с желаниями человека!

Николай Иванович набросал схему, разобрал тезисы, ещё раз восхитился и задумался.

А что, если?

Ведь известно, куда выслана дорога благими намерения-

ми!

Нет! Он сделает так, чтобы не было никаких перегибов. Уже была борьба с пьянством и алкоголизмом, итог — расцвет наркомании. Печальный факт.

Апостолов засел за черновики, продумывая защиту концепции от чрезмерно усердных придурков чинуш.

Да, бухаю! Да, курю! Ну и что? Зато я ни разу не болел! У меня трое прекрасных, пышущих здоровьем, детишек. Всем бы так! А если чрезмерно бухать и курить, увы, так не получится! Вот и вся разгадка!

До чего же всё просто! И затраты минимальные, что весьма немаловажно.

Глава 14

Считается, сделал дело — гуляй смело! Можно расслабиться и отдохнуть от трудов тяжких. Ан нет! Остаётся самое важное — правильно доложить. Причём, необходимо сделать это так, чтобы начальство поняло: что именно и насколько хорошо сделано.

О! Это огромное искусство — правильно доложить! Порой можно вообще ничего не делать, но преподнести это так, чтобы начальник почувствовал себя виноватым за непосильную задачу. Виду он, конечно, не подаст, зато от разгона уйдёшь запросто. Гораздо хуже, если наоборот: пашешь—пашешь, а подать свою работу не умеешь.

Поэтому-то в первую очередь учат правильно доложить, отрапортовать по всей форме.

Орвилла Янг имел много форм отчётов, а дел — никаких. Он грамотно доложил о прибытии.

А его коллега доцент Якушев наделал много, а доложить толком не сумел. То ли времени не хватило, то ли терпения. За это и получил нагоняй от шефа!

Теперь доцент засел за бумаги. И сидел уже целых два часа. Когда он добыл информацию, всё казалось ясным. А теперь? Едва напишет фразу, перечитает и ничегошеньки не понимает. Какая чушь, выходит из-под пера! Сплошные эмоции, никаких фактов! А ведь они есть! Но почему не облакаются в правильную форму?

Якушев отстранился от бумаг, запрокинул голову и отогнал все мысли прочь. При этом он почувствовал чужое влияние: где-то в самой глубине мозга ощущался инородный сгусток мыслей. Яков Яковлевич потихонечку стал распутывать его, стежок за стежком, добрался до центра.

От напряжения лоб доцента покрылся испариной. Добравшись до ядра, Яков Яковлевич позволил себе расслабиться, и вот тут-то накатили мысли! Он сел за стол и начал лихорадочно записывать. Рука двигалась вслед за ручкой, доцент едва поспевал за ней.

Исписав целый лист за несколько мгновений, Якушев вдруг отбросил ручку. Яков Яковлевич внимательно всматривался в собственные каракули. Он прочёл почти половину

и почувствовал жжение в руках. Через долю секунды лист вспыхнул ярким пламенем. Якушев отбросил горящую бумагу, подул на ладони и затоптал пламя. Доцент опустился на колени и попытался ухватить остаток бумажки. Он взял кусочек огарка, поднёс к глазам. На его ладони листочек сужился и, превратившись в пепел, осыпался на пол.

Всё.

Яков Яковлевич несколько не удивился Чужеродная информация покинула его так же неожиданно, как и появилась.

Доцент сел за стол и, наконец, составил подробный отчёт о шанкре, Лошади, Орвилле Янге.

После чего Якушев записал всю бессвязную информацию, которую успел запомнить: обрывками, сквозь множество отточий, — набор разных слов.

Глава 15

– Афоня, поди сюда!

Никифоров вздрогнул от неожиданности. Нервы с похмелюги совершенно оголились и на любое воздействие реагировали, как на укол в головной мозг. Ни больше, ни меньше. Голос показался ему очень резким. Афоня обернулся. Его тело, покрывшееся испариной, словно подбросило из глубин земли. Афоня ожидал увидеть что угодно, самый ужасный кошмар, воплотившийся в реальность. Если бы перед ним стоял сам дьявол, Афоня не удивился бы. После вчерашнего

перевоплощения соседки он уверился в собственном психическом нездоровье. Но перед ним стоял, широко улыбаясь беззубым ртом, дедушка Гриша!

– Чего тебе? — устало и неохотно попытался отмахнуться Афоня.

– Увидишь сейчас! — торжественным тоном заявил дедушка и притянул Афонию за рукав в сторону своей квартиры.

Заходить в халупу деда ужас как не хотелось. В голове попеременно стучало, накатываясь волнами, бросало то в жар, то в холод.

Вспомнилась класснуха математичка: всё она пятнами покрывалась. Климакс! Вот и у Афони климакс.

– Да-а, — протянул дедушка Гриша, — разучились нынче водку делать-то!

– Я пойду, — неуверенно сказал Афоня. Слушать старческие брюзжания не хотелось, но пароль «водка» уже сказан. Ему очень хотелось воздержаться, одержать маленькую победу. Если не над собой, то над водкой точно. Но дед Гриша не отступал.

– Конечно-конечно, пойдём-пойдём! — скороговорочкой прошамкал дед и энергичнее подтолкнул гостя к обшарпанной деревянной двери.

– Опять бухать! — отчаянно вскрикнул Афоня вслух. Как-то само собой вырвалось. Он не хотел!

– А ты куда направился, а? — дед Гриша заглянул в глаза

Афони. — Ведь за пузырьком вышел в такую рань?

Афоня вымученно улыбнулся, может быть. Скорее всего, прав дед Гриша! Вот вышел бы во двор, постоял бы в нерешительности, покрылся ещё пару раз потом и подумал бы: «Лучше уж подлечиться». Афоня тяжело вздохнул.

— Проходи-проходи! — всё приглашал дед искуситель, подталкивая соседа вперёд.

Афоня переступил порог и оказался в коридорчике. Откуда-то сзади раздался щелчок, и квартира осветилась тусклой лампочкой. Опять удар по оголённым нервам! Аж слюна поползла, как реакция Павловской собаки на свет и звонок. Афоня склонился переобуться в замусляканные тапочки. Закружилась голова. Он сполз вниз по стене, содрав курткой остатки штукатурки. Тошнота навалилась неожиданно. Он глубоко втянул воздух в широко раскрытый рот. Зажмурив глаза, Афоня не отпускал одну мысль в воспалённом мозгу: «Только не обрыгаться, только не обрыгаться!»

— Давай-давай, тяпни! — повелительным тоном сказал дед. Афоня раскрыл глаза. Перед самым его носом дед Гриша держал сморщенный зелёный, цвета тины огурчик. Резкий запах сбил тошноту.

— Клин клином вышибают! — лукаво произнёс дед и протянул стопарик, не убирая из-под носа соседа огурец.

— М-м, — промычал в ответ Афоня

— Давай-давай! — дед почти насильно сунул стопарь в дрожащую руку Афони. — Только быстро, залпом!

Афоня глотнул. На удивление, прошло мягко — в желудке что-то потянуло, но не наружу, а вовнутрь! Он зажевал подсунутый огурчик. Приятное тепло разлилось в животе, затем оно поднялось кверху, снимая очередной приступ озноба. Афоня прислушался к своему организму, тишина! Никакой волны жара!

— Что это? — спросил он. Афоня понял, что это не водка. От неё с похмелья всегда вначале рвало и только несколько минут спустя желудок принимал лечебную дозу.

— Это не бодяга какая-нибудь. Чистоган!

— Первач?

— Он самый! — гордо подтвердил дед Гриша.

— Вообще-то, гадость! — улыбнулся Афоня.

— Ещё какая! — радостно согласился дед.

Они прошли в обмызганную кухню с «временно» текущим краном. Хозяин усадил соседа за дореволюционный стол, покрытый сто лет нестиранной скатёркой.

— Видишь? — дед указал на огромную стеклянную бутылку, заполненную прозрачной жидкостью,

— Да! — кивнул Афоня с энтузиазмом.

— Будь здоров, боярин! — весело воскликнул дед и чокнулся с гостем.

Они выпили. Потом ещё. Мозг Афони начал соображать яснее.

Для чего его затащил дед? Что-то ведь ему надо! Какие у них общие интересы? Дед в компьютерах ни тямю не ша-

рит, а про войну Афоня слушать не любил. Вечно одно и то же! Вот мол, мы сидим. Вот, они перед нами. Они в атаку, а мы их — косить из пулемётов. И всё. В гражданскую шашками рубали, в Отечественную пулемётами косили. А всё одно, наши победили! И все поголовно герои. Как-то раз один уголовничек, старенький уже, сказал что-то похожее на правду. Типа наш этот самый ППШ, что на всех военных плакатах изображён в жилистых руках солдата, оказывается — говно натуральное. Из шести пуль, может быть, одна и попадёт «в молоко», остальные — в неизвестность. Немецкий автомат бьёт точно. Вот и пользовались трофейными. Что делать «Калашникова» тогда ещё не было, пользовались шнайферами–шмайферами. А жизнь от командира зависела. Секрет потери до времени — получит лишнюю пайку «фронтových», и живи солдат! Но и такие рассказы сильно припахивали хвастовством.

– Ну, будь здоров! — дед поднял стакан.

Выпили. Что же надо деду? Молчит, знай себе, наливает! Ограбить, что ли решил? Афоня, взглянув на предполагаемого грабителя, расхохотался. Куда дедку, да и зачем ему? Ни денег, ни золота нет. Оргтехника? Разве что дед ею гвозди забивать станет? Чепуха!

– Какая чепуха лезет в голову! — вслух сказал Афоня

Дед кивнул, по-приятельски улыбнулся Афоня. Насторожился.

– Ты Афоня, не нервничай! — заметил дед. — Поди ду-

маешь, зачем тебя дед приволок к себе домой?

– Думаю, – согласился Афоня, икнув.

– На вот, рассольчик, запей икотку! — дед протянул ков-
шик.

Афоня послушно отхлебнул. Оба на! Шары на лоб вылез-
ли! Какая там икотка, дышать стало нечем! Он дико завра-
щал глазами, не зная, как поступить: два пальца в рот или во-
ды тяпнуть да дальше сидеть с дедом, самогонку прихлёбы-
вать? Афоня выбрал лучшее решение. Он потянулся к крану.

– Не надо! – сказал дед. — Так икотка не пройдёт! Вдохни
полным ротом и задержи дыхание!

Афоня последовал совету. Икотка прошла.

– Терпкий у тебя рассольчик!

– Да. Специально держу. Когда и с похмелья помогает.

– Дед, не тяни, — Афоня сам наполнил стаканы, — гово-
ри, зачем я тебе понадобился?

– Не осталось у меня никого, а завтра помру! — глубоко
вздыхнул дед.

Афоню аж подбросило.

– Да. Такие дела! Завтра помру.

– Брось, давай выпьем!

– Нет, чокаться не будем, — неожиданно трезвым голосом
сказал дед. — За помин души моей грешной!

Афоня выпил. За помин, так за помин. Все старики одина-
ковы, особенно одинокие. Только и разговоров-то, о смерти,
всё собираются–собираются, а глядишь, всех молодых пере-

живают! Афоня решил подыграть деду.

– Грешен, грешен! Небось, в церкви-то ни разу не был?

– А ты был?

Афоня кивнул.

– И что? Веруешь?

– Это уж не твоё дело! Был ведь!

– Вот именно, не моё дело! От того и грешен я, что лезу не в свои дела!

– Так сходи, покайся! Делов-то! — фыркнул Афоня. Как дед не может знать такого пустяка?

– В пьяном виде?

– В пьяном, нельзя! — боднул головой Афоня. — Но не всегда же ты пьяный!

– Понимаешь, до завтра я уже не протрезвлюсь!

– Заладил: «До завтра, до завтра»!

– Как думаешь, мой труп в анатомию не сдадут?

– Могут.

– Это плохо, — опечалился дед.

– Да какая тебе разница будет? Службу науке окажешь!

– Печально.

– Не горюй! — Афоня похлопал деда по плечу. — Я пошутил! Похоронят тебя в кремлёвской стене, как положено!

– Да не ври! — отмахнулся дед. — Слышал ли ты, фронтовиков Союз ветеранов хоронит ли?

– В обязательном порядке, — твёрдо и уверенно произнёс Афоня, как будто сам в этом союзе принимал решение.

– А ты сообщишь, куда следует? — заговорщицки подмигнул дед.

– Конечно! Ты для этого меня позвал?

– И для этого тоже. Видишь, я уже помылся? — дед развернул воротничок серой рубашки.

Только сейчас Афоня заметил, что дед одет в костюм, а не в облезшую олимпийку. Оба на! Да он всерьёз надумал умереть!

– Дед Гриш, ты это, не дури! Чего тебе умирать ни с того, ни с сего?

– А как же? Пора.

– Тебе что, сон дурной приснился?

– То ли сон, то ли не сон, — туманно ответил дед, наливая в стаканы самогон. Он помолчал. Затем, не дожидаясь гостя, залпом опрокинул дозу, занюхал огурцом и обтёр губы задрипанным полотенцем. — Я тебе вот что скажу, Афоня. Парень ты неплохой, а погиб ни за грош!

И такая уверенность просквозила в глазах деда, что Афоня поёжился и отставил в сторону стакан с самогоном.

– Почему это?

– А потому, — дед выложил на стол руки. — Над тобой колдунья живёт!

Вот так. Кровь прилила к лицу Афони. До него дошёл смысл сказанного дедом. Колдунья! Та самая старуха и есть, а никакая не галлюцинация!

Две новости. Одна хорошая: Афоня здоров — никаких

галюников. Другая скверная — колдунья! В наше время техники какая-то колдунья? Чушь собачья! Но почему тогда в газетах пишут: «отворот–приворот»? Порча и разная белиберда. Афоня взял себя в руки, выпил. И сказал:

– Дед! Ты прошёл войну и веришь в сказки?

– Потому и верю! У нас на фронте был один такой заговорённый. Лез прямо под пули, и хоть бы хны! Вот ты можешь представить себе такое: Александр Матросов упал на амбразуру и остался жив?

– Чепуха какая-то! — Афоня мотнул головой.

– Чепуха! А вот пули–дуры почему-то не трогали его!

– Да мало ли что? Судьба такая! Или, может быть, немцы пьяные были и как-нибудь пальнули не туда из этой самой амбразуры?

– А как ты себе это представляешь?

– Ну, дулом вниз куда-нибудь направили.

– Ты сам понимаешь, какую муть городишь? Как так, «дулом вниз»? В пулемётном гнезде установлено это самое дуло! Из амбразуры можно только видеть — это, всего-навсего, смотровая щель!

– И что? — тряхнул головой Афоня. — Пули от него отскочили? Или как?

– А вот так! Нас пятеро следом ползло. Я ему орал: «Заткни бушлатом амбразуру!» Так нет, он кинулся грудью. Нам смотреть-то было некогда, высотку надо было брать, мы уж его мысленно похоронили. Глядь, а он опять впереди!

– Везунчик! Бывает, согласен. Никто и не стрелял по нему. Просто очередь рядом раздалась, вот вы и подумали, что из дота палят.

– Умно рассуждаешь! Да только вот немец пленный по-другому вопил. Он самолично расстрелял весь боезапас в грудь нашему «Матросову»! От отчаянья, конечно, куда-то надо было палить! А когда увидел его живым, тотчас обделался.

– М-да, мастер ты оказывается сказки сказывать!

– Вот так, — упрямо продолжал дед, — а мы его ну пытаться: Как мол, так? Ёты-мать! Почему тебя пуля не берёт? А он молчит, улыбается!

Двадцать лет спустя раскололся. На встрече фронтовиков поддали хорошо, он и ляпнул: «Я ведь, други, заговорённый»! Вот оно как!

– Не понял.

– А что понимать-то? Заговорённый он, и делу конец!

– Заговор что ли знает? Он что, успевал заговор прочитать, пока пуля летит?

– Это ему не надо! Он сразу заговорённый был!

– Слушай, я должен знать про него, да и вся страна тоже! Ведь он сколько кратный Герой Советского Союза? Если он мог сто раз повторять смертельные подвиги!

– Мог, – согласился дед, — и повторял. Только наград высоких не получал. Так, по мелюзге, когда всем давали. Героя ему дали с грехом пополам. Начальству некуда было девать-

ся. Сам Жуков отметил рядового.

— Так он ещё и рядовым был? — взорвался Афоня. — Мастер ты, дед, лапшу вешать! При его заслугах быть рядовым?

— Не будь дураком, Афоня! На фронте жизнь та же самая! Кому чё, кому через плечо! Кто-то под пули лазиит, а кто-то интендантом Героя хватает! Начиная рядовым в хозрооте заканчивает войну, чуть ли не генералом, а кто и генералом вообще! — разгорячился дед и стукнул по столу — Не люби-ли его. Все завидовали чернючей завистью! Даже в штраф-ную дважды засылали, но возвращали назад.

— Вот тут ты и попался! Как он мог искупить кровью, если его за всю войну ни разу не ранило? Если он, как ты говоришь, заговорённый?

— Вот так! В виде исключения! Ему положено Героя да-вать, а они — назад, в часть! Сволочи, словом.

— Заморочил ты мне голову окончательно! Так, что ты про соседку говорил?

— А то! Это она мне предсказала скорую смерть!

— И ты поверил? — криво усмехнулся Афоня.

— А то, — дед понизил голос, — колдунья она натуральная!

Как тут не верить?

— Дед, даёшь! Богу не веришь, а колдунье веришь!

— Бога я не видел, а вот колдунью — вчера!

— И как?

— А так. Стучит вчера вечерком ко мне соседка, сверху тебя что живёт. Брюхатова-то, знаешь?

Афоня кивнул.

– И говорит чрез дверь: «Дедушка Гриша! Дедушка Гриша!»! Жалобно, так говорит. Мол,пусти к себе! Я что? Думаю, беда какая случилась. Может, страшно ей стало? Отца-то совсем недавно похоронила. Может, он пришёл и напугал её?

Афоня фыркнул, но промолчал.

– Запускаю. Она и говорит: «Смотрите, дедушка Гриша, какой у меня паспорт теперь новый!» Радостная такая. Беру в руки корочку, читаю. Ольга Семёновна, ну и что? Как что? Фамилия-то — Богатова! Ерунда думаю. Сейчас все сплошь и рядом фамилии меняют. А она соли попросила. Говорю ей: Там на кухне посмотри, — сам к телику. Как раз хоккеей шёл. Наши просирали кому-то, но бились. Так что, надежда оставалась. Я и забыл про соседку. Думаю, найдёт соль, отсыпет себе да и уйдёт. Воткнулся в экран и сижу. Слышу, соседка по квартире шатается, соль только на кухне! Кричу ей. А она мол, постираю вам, деда Гриша, кое-что. Да делай ты, что хочешь! Дай только матч досмотреть! Наши как раз шестого полевого выводят! А она как-то хрипло говорит: Лучший костюмчик постираю и рубашку добрую.

Возится там за моей спиной и бормочет по-старушечьи. Да и хрен с ней! Наши счёт сравняли! Вот ты ухмыляешься, а я ведь не привык ещё, чтобы проигрывали! Всегда первыми были! Пора возрождать славу-то. Слышу, в ванне что-то плещется. Да и ладно. А наши забивают на последних секундах!

Победа! Я на кухню, к бутылку. Плеснул, выпил за победу. А в ванне плескается, что думаю, там делает, без света-то? И дверь закрыта. Открываю, говорю: «Ты чего, молодка, кошка что ли?» Свет из коридорчика упал внутрь ванны, осветил её со спины. А у баб, знаешь ведь, спина-то не меняется с годами! Вроде фигура та же и остаётся, — дед облизал губы.

— Да я погляжу, ты бабник большой!

— Ты согласен?

— Что бабник? — весело спросил Афоня

— Да нет, что фигура не меняется!

— Да откуда мне знать-то? Вот доживу до твоих лет, тогда и поговорим!

— Это вряд ли, — мрачно так сказал дед. И стало непонятно, что он имеет в виду? Не доживёт Афоня, или дед не доживёт до того времени, как Афоня поравняется с ним возрастом? Афоня принял второй вариант и улыбнулся.

Они выпили ещё, и дед продолжил рассказ.

— В общем, стоит Оля, стирает в темноте. «Чё», — говорю, — «Ты кошка что ли»? Она молчит и трёт, и полощет что-то. Уж не знаю, что на меня нашло! Седина в бороду — бес в ребро! Шлёпнул я её, шутя-любя по заднице, она и отвечает: «Сейчас освобожусь!»! Чего это девка удумала? Спятила с горя, что ли? А голос как у старухи. Я как-то сразу не обратил внимания. Видать, простыла. Стыдно мне стало за проступок свой глупый. Говорю: может, не надо ничего стирать больше? Вот тебе как на духу говорю! Другого и ска-

зять не знал чего, не извиняется же! А она медленно так поворачивает голову ко мне. Полумрак зловещий. Улыбается. Я гляжу, не отрываясь, а зубов-то не вижу! Вот-те, раз! И волосы отсвечивают сединой, с какой-то зеленью даже. Думаю, до чего только молодёжь не додумается, во что только не перекрасится! Ну и попятился я кзади, а тут мне дверь в спину, шлёп! Как кто-то с той стороны пихнул и захлопнул. Э! — говорю, — Что за шутки? А она отвечает: «Никаких шуток! Посмотри на меня внимательнее!» А я как посмотрю? Не кошка ведь. Понятное дело: ни хрена не вижу. Так и говорю. А она, мол, свет включи! Да какой там свет, и патрона-то в ванне нет! Ещё год назад электрика вызывал, так он и патрон с собой, уволок. Сказал: «Заменю! Принесу нормальный». То ли помер уже, пил вусмерть, то ли выгнали с работы. Или просто забыл. Так вот, света-то нет. А она не знает же. Я разворачиваюсь, сильно щёлкаю выключателем и ору: «И что?!» А свет-то загорелся! — лицо деда Гриши побелело, он как бы заново пережил шок.

Афоня вздрогнул, невольно посмотрел в сторону ванной. Света там не было. И быть не могло, потому что в ванной некуда ввинтить лампочку!

— Ну? — нетерпеливо спросил Афоня, включившись в рассказ собутыльника.

— Вот-те и ну! Свет появился. Светло-зеленоватый, как от газового рожка. Оборачиваюсь, баба стирает. Гляжу, она в платочке, белесом таком, это я за седину принял в полумра-

ке! От сердца даже отлегло. Я вслух так и сказал. А она медленно так, как в кино замедленном, разворачивает голову лицом ко мне. И вижу я её голову по частям: сначала ухо с заросшей дыркой для серёжек, затем морщинистую щёку, поджатые тонкие губы и глаза, затянутые какой-то плёнкой, как у покойников бывает. Вот-те и Оленька Богатова — древняя старуха!

– Да ну? – только и сказал Афоня. Надо бы в этом месте подшутить, но почему-то не получилось. Не такую ли он видел вчера?

– А старая говорит: «Вот, отстирала», — и главное, как ни в чём не бывало! Будто тут и была. Я её хвать за грудки, какие там грудки, тьфу! Короче, хватаю, трясую: куда Ольгу девала? А она ехидно так начала хихикать. Хихикает, хихикает, а изо рта слюна пузырится. Мать твою, говорю, где Ольга? Утопила что ли, тварь? Смотрю в ванну, ничего! Вода уже почти стекла. Грязная, с хлопьями мыльной пены.

А старуха ржёт, продолжает. Я в двери: ну-ка подальше отсюда. А двери как заколочены! Вот тут-то меня чуть понос не прохватил. Старуха резко замолчала и говорит: «Ты дедушка Гриша, отжил своё. Вот я тебе и постирала барахло для гроба!» Ну, старая, держись! Размахиваюсь, чтобы врезать. Всю силу собрал в руку Вышибу мозги! А рука-то онемела. Хочу врезать, а не могу. Ладно, ногой достану. И нога не двигается. Только глаза мои из всего тела работают и то кое-как. Хотел выmaterить её, да язык онемел. Так и стою.

Жутко мне стало. Понял, колдунья это, а никакая не Оленька.

— А дальше что? — заворожено спросил Афоня

— Что-что? Позор на мою седую голову, вот что! Она начала говорить потихоньку. Ты, мол, уже мёртвый, только об этом ещё не знаешь. Попадёшь в ад напрямую! И не надейся на лучшее! Думаешь, типа воевал — Родину защищал, так рай заслужил? Фигу с маслом, так и сказала, сволочь! Начала перечислять всё, чего я говённого за свою жизнь сделал. Мать твою! Много оказалось. А потом говорит: «Тебе всё равно в ад идти — так попробуй заслужить лучшую долю! Будешь там вроде истопника: дровишки когда поднесёшь, когда водичку с серой. „Вот, сука, а? Меня в истопники? Разозлился я ещё больше, а толку-то? Не шевельнуть ни одним членом. А она говорит: „Если не хочешь сам, то силой заставлю!“ А я с разинутым ртом так и стою окаменевший. Думаю, что сделает? А она титьку достала из-под халата откуда-то, знаешь, титька такая ядрёная, как у бабы кормящей! — дед Гриша причмокнул языком.

— И что?

— Что, что? Достала из кармана рог такой, знаешь, из него грузины вино хлещут. Только у неё грязный и вонючий. И давай сама себя доить, как корову И всё в рог, в рог. А потом? Позор, стыд и срам на мою седую голову! — дед пустил слезу, выпил залпом стакан и продолжил, уронив голову на руки. — Воткнула мне в рот и вылила всё молоко. Я ни плю-

нуть, ни сжать зубы не могу! И глотать не глотаю! Так и влила молоко в желудок, как вода из крана бежит. Даже слышал, как падает оно в брюхо. Вырвать бы, да никак! Застыл, как статуя.

Мать её за ногу, суку такую! Ещё издевается: «Вкусно?» Я глаза закрыл. Будь что будет, пусть убивает. Не увижу и не услышу ничего, плевать! А она отжала бельишко моё и гладить в комнату пошла.

Открываю глаза. Никакого света, конечно же, нет. Двигаться по-прежнему, не могу. Зато язык заворочался. Ору: Бабка! Иди сюда! Больше не ругаюсь. Понятное дело — тут схитрить надо. Она идёт. Вот, говорит, подготовила костюмчик ко гробу-то! Славненько придёшь в моё царство! Я ей отвечаю: Жди! А она, мол, недолго осталось. Завтра же и отойдёшь. Потом помолчала, что-то пошептала и поправилась: «Послезавтра!» Я ей говорю: А ты-то, зачем мне это говоришь? Что, жалко меня стало?» А она говорит: «Нет. Ни капельки тебя, дурака, не жалко! Не ты первый, не ты последний!» И испарилась, будто и не было её. Я занемевшими руками растёр ноги, чтобы с места сдвинуться. А руки-то трясутся. Я на фронте так не ссал! Стою и боюсь выйти из ванны. Решился, наконец. Думаю, если она до сих пор в комнате, сразу зашибу! Главное, в глаза её мёртвые не смотреть! Схватчу за шею и откручу голову! Вылетаю, значит, весь такой взъерошенный, готов разорвать на куски эту бабку, любой пусть облик примет. Хоть участкового! Задушу, и точка!

Весь в ярости, а нет никого!

– Да-а, допился ты, деда Гриша!

– Допился, – согласился дедушка. — Только вот

– Что ещё?

– А то! У неё по три пальца на каждой ладони! — выдал дед.

Афоню подбросило, будто что-то лопнуло в голове! Как? Откуда? Он ничего не рассказывал деду!

– Откуда знаешь? — спросил Афоня вслух.

– А вот! – дед достал из-под стола серо жёлтый рог со светлыми полосками — отпечатками пальцев. Ясно было видно, с одной стороны только два пальца держало его: мизинец и указательный. Ровно столько, сколько в Афониных кошмарах!

В носшибануло запахом жжёной серы, Афоня закатил глаза и грохнулся в глубокий обморок.

Глава 16

Над Тибетом стоял туман.

Алекс Строзэн сидел перед дисплеем и жевал жвачку, время от времени, затягиваясь сигарой.

Секунда в секунду, на связь вышел безупречный Орвилл Янг. Доклад гладенький. Работа началась. Из потока словесной мешанины Алекс выяснил одно: агенту нечем заняться.

– Дорогой Орвилл, — начал босс голосом, не предвеща-

ющим ничего доброго, — приступил ли ты к выполнению задания? Отыскал ли ты источник информации? Человека, имеющего к ней доступ? Предпринял ли шаги для его вербовки?

– Всё в стадии разработки, — сказал агент. Орвиллу совсем не хотелось говорить о реальных делах. Нельзя же всё сразу! Не то шеф подумает, что необходимо расширить задание.

– А что, позволь тебя спросить, разрабатываешь? Почему шлёшь туристические проспекты? Полагаешь, я не был в Москве и не знаю место расположения Кремля?

– Виноват, — согласился Орвилл.

– Напряги мозги и выдай мне всё, что там случилось сверхъестественного?

– Сверх чего, босс?

– Не прикидывайся овечкой! Отвечай!

– Русские ищут национальную идею.

– Это сногшибательно! — воскликнул Алекс. Он понял: агент что-то раскопал, но приберёт на десерт.

– Я чувствую хвост.

– Что? — вскричал босс. — Ещё ничего не сделал, а успел наследить!

– В том-то и дело, что чувствую, но не вижу, хоть убей!

– И убью, — холодно сказал Алекс.

– И тащится он за мной из лаборатории, — продолжил Орвилл.

– Что за лаборатория?

– Понятия не имею, — нагло соврал агент. — Что-то связанное с судебной медициной.

– Вот и копай в этом направлении! Обязательно выясни: кто пасёт тебя и зачем? Выйдешь на связь через три часа и доложишь всё по порядку! Конец связи, — Алекс отключился и задумался. Кто пасёт Орвилла? В принципе, это может быть кто угодно. В России — поражённой шпиономанией стране — наружка топчется за любым иностранцем. Но чья? Какое ведомство устроило слежку? Бывшая КГБ уже бы засветилась. Также и ГРУ. Тем более, МВД. Методы слежения у разведок всего мира в принципе одинаковы. Но Орвилл никого не заметил! Он только чувствует хвост. Это не наружка — «внутренка» какая-то! К Орвиллу применены иные методы слежения! Кто владеет новой методикой? Не в этом ли разгадка помех из России?

Пока босс раздумывал и ломал голову, Орвилл пахал в поте лица. Через отпущенное время он уже смог кое-что доложить.

– Из сверхъестественного. Точнее, противоестественного: обнаружен твёрдый шанкр в желудке! В той самой лаборатории, откуда я почувствовал хвост. Молодой морфолог Лупин решил сделать карьеру. Ему живо обломали рога ребята из спецслужб: никаких научных статей и рефератов!

– Источник информации?

– Кэт. Девушка, работающая в лаборатории с Лупиным.

– Нерусская?

– Русская. Мода у них была одно время: давать имена, типа Оюшминальда. Кэт — радистка. Какой-то Штирлиц использовал её как музыкантшу для связи с Центром. Это фильм такой русский, — начал пояснения Орвилл.

– Я знаю Штирлица и «Отто Юльевича Шмидта на льдине» тоже! — оборвал Алекс. — Труп, стало быть, судебно-медицинский?

– Да. Труп с подозрением на насильственную смерть.

– Копай дальше! Выясни всех лиц, интересующихся этим трупом, а также всех других подобных трупов!

– Йес, сэр!

– Вперёд!

– Приступаю к выполнению! Конец связи.

Агент Орвилл Янг приступил к выполнению обязанностей в неухоженной, зловредной стране, где девушки если и попадают не агентки КГБ, то с нерусскими именами. Типа Кэт, например. Он решил связать полезное с приятным. После обеда в ресторане для интуристов, парочка укатила в гостиничный номер. Кэт пьяно улыбалась, прижимаясь к мускулистому телу иностранного шпиона. Её мужчины.

Орвилл об этом пока не знал, он выполнял свою работу.

Глава 17

Четверть часа Акульев изучал доклад подчинённого. До-

цент Якушев стоял напротив стола. Он вытянулся на цыпочках, пытаясь уловить настроение шефа. Профессор то хмурился, то удовлетворённо хмыкал. Доволен ли? Понять это невозможно.

Наконец профессор откинул текст от себя и улыбнулся

– Мил человек, неплохо потрудились. Только вот, это что?

— Акульев ткнул пальцем в середину текста.

– Лошадь?

– Лошадь, Лошадь! Где этот паршивый Лошадь?

– Следов нет, — обречённым тоном выложил Якушев, —

и никаких зацепок.

– Как у наших коллег? — Фёдор Федотович имел в виду параллельные спецслужбы.

– Тоже ничего.

– И это при их импортном оборудовании слежения и выслеживания?

Доцент ухмыльнулся. Мол, у нас свои методы и более действенные!

– Но и мы топчемся на месте!

Якушев развёл руками.

– Ещё раз повторяю: отыскать Лошадя! Все силы на его поиск! Вам лично не забывать и о других делах. Эту вещицу я изучу и доложу! — пообещал профессор, убрав в стол листок, исписанный невнятными фразами Якушева. Аудитория закончилась. Яков Яковлевич поспешил удалиться

Фёдор Федотович впал в отдыхающий транс и расслабил-

ся. В этот самый момент кто-то настойчиво позвонил в двери. Акульев едва слышно выругался и прошипел в селектор:

– Настенька! Впустите!

– Здравствуйте, уважаемый профессор! — приветствовал Акульева Николай Иванович Апостолов.

– Здравствуйте, здравствуйте! — любезно ответил профессор профессору — Чем порадуете?

– Скажу неплохую новость!

– Это хорошо, — Акульев потёр ладони, предвкушая услышать нечто приятное. На лице Апостолова так было написано, а от тела моралиста шла сильная положительно заряженная энергия.

– Я отыскал национальную идею! — сказал Апостолов. — Вот мои соображения.

Акульев взял в руки напечатанные листы бумаги и принялся их читать, кивнув гостю на кресло. Профессор нажал на кнопку в столе, по мановению ока появилась секретарша с кофе и коньячком.

Апостолов аккуратно принял поднос и поставил его на краешек стола. Акульев не мог оторваться от текста. Золотая голова этот чудаковатый профессор! Родил же национальную идею. Да ещё какую!

– Воистину, сегодня счастливый для страны день! — с пафосом воскликнул Акульев. Он выглядел счастливым. Если не за страну, то за свою Контору — радость распирала его. Акульев привстал от возбуждения, как всё здорово склады-

вается!

Остался один Лошадь. Но ничего, скоро и он будет обнаружен. И тогда этому Лошадю очень не поздоровится!

Глава 18

Алекс Строэн вернулся из Вашингтона в Мэриленд. Форт-Мид встретил его приветливо. Согласно мигали три миллиарда компьютерных экранов — все подчинялись ему! Да, это не какое-то занюханное Лэнгли — около двадцати тысяч специалистов–хакеров в распоряжении босса АНБ. Люди работают над новым проектом, и все как один понимают, чего хотят. Каждый рядовой сотрудник, не знающий конечного результата операции, согласен с боссом: над проектом зависла реальная угроза. Если не полного уничтожения, то сильного разрушения. Мощные волны перебивают все сигналы. Это при существовании плотной многослойной системы защиты от вирусов, контролируемой то ли с Луны, то ли с самого Марса. О местонахождении защитного механизма подчас забывал сам шеф Агентства национальной безопасности США. Алекс Строэн так и сказал: «Установить и забыть!»

Волны шли из России. Кто-то мутил эфир, потрясал его и выворачивал наизнанку! Не вирус, но и не русский компьютер — абака! Алекс представил себе толстую Марию Ивановну, щёлкающую костяшками деревянных счётов, смеш-

но. Но очень похоже. Миллион радаров системы космической ПРО наблюдали сигнал сбивающий все сообщения, но так и не усекли его. Точь в точь, русская красавица щёлкала по клавиатуре русского деревянного компьютера: туда-сюда, туда-сюда!

– Я ничего не понимаю! — доложил Скотт Клайд, компьютерный гений Форт-Мида. — Помехи не фиксированы. Они возникают ниоткуда и уходят в никуда. Только-только удаётся зафиксировать источник волны, как она меняет локализацию. Точно как морская волна: накатывает и самопоглощается.

– Почему не выходят из строя компьютеры?

– А ничего не разрушается: данные нашей базы тасуются в невообразимом порядке, а затем строятся заново в строгую систему. Всё это, происходит в доли секунды.

– Тогда из-за чего паника?

– Оттого, босс, что информацию, возможно, крадут.

– А возможно, нет?

– Всё возможно, Алекс

– Скотт, прошу: разберись!

– Хорошо, Алекс я разберусь, — ответил главный специалист, создатель системы глобального контроля. Он развернулся и ушёл к компьютерам.

Алекс не сомневался: разберётся. Как специалист по машинам Скотт определит механизм, но не сможет узнать про источник помех. Тут нечто иное. Это не техника. Алекс по-

делился соображениями с Правой рукой, Беном Хейвордом.

– Твои соображения? — спросил он,

– Это не электроника, это нечто иное.

– Хочешь сказать, что русские изобрели необычную форму разума?

– Да. Они получили новую форму разума, превосходящую возможности электроники.

– Вряд ли. Это совсем не новая форма разума, это древнейшая функция человеческого организма, которую мы в процессе эволюции малость подзабыли, — задумчиво произнёс Алекс

– Верно! Влияние цивилизации! — обрадовано согласился Бен. — Чем цивилизованнее человек, тем

– Не будь наивным идиотом! — прервал Бена Алекс — С чего ты взял, что русские варвары? С того, что жизненный уровень в их стране никакой? Культура – это не сытый желудок! Скорее наоборот. Большой театр, к примеру. Или наша НХЛ с русскими звёздами!

– Но у них до сих пор могут схватить любого человека, посадить в каталажку, расстрелять без суда и следствия! — Бен говорил уверенно, будто знал такие факты, а то и лично присутствовал.

– Мы не о том спорим, — поправил его Алекс. — Не политика, не уровень цивилизации определяет степень развития человека, но сама степень. Можно вырядиться Денди, но не растерять первобытных инстинктов!

– Ты полагаешь, что первобытные инстинкты сильнее компьютеров?

– Скажи, какой компьютер может почувствовать опасность, случайную опасность? Не предусмотренную хитроумными комбинациями врагов и недоброжелателей. Как он может предупредить такую простую вещь? Например, человек достигает своей мечты, скажем, становится президентом, садится в самолёт, и птица — авиакатастрофа, конец!

– Можно рассчитать все варианты, проследить маршруты движения пернатых, уклониться, наконец!

– Можно. Только авиакатастрофы почему-то происходят.

– И русские могут почувствовать опасность?

– Увы, не могут, как и мы. Как и англичане, немцы и даже большая часть китайцев!

– Так в китайцах дело?

– Примерно.

– Опять Тибет?

– Скорее да, чем нет.

– Но при чём тут русские?

– Помехи идут из России!

– Они союзники Ламы?

– Не думаю.

– Используются втёмную?

– Возможно. Впрочем, скоро выясним.

– Мне кажется, русские играют в свою игру, — предположил Бен.

– Все люди играют в свои игры, — философски изрёк босс. Алекс забеспокоился. Остались считанные дни до испытаний, а тут кто-то внаглую сдирает информацию. Самое главное, непонятно, с какой целью? Создать что-либо подобное системе ГК не способна ни одна страна мира, ни одна спецслужба! Чего они добиваются? Препятствовать проекту? Практически невозможно.

При существовании хотя бы минимума угрозы, необходимо принять меры безопасности, за которую и отвечает Центр. Так или иначе, цель кем бы то ни было достигнута.

Алекс Строзен отдал приказ о приостановке работ над проектом.

Глава 19

Часто бывает так, что глобальное событие для какой-нибудь страны остаётся незамеченным в мире. Мировая общественность как-то равнодушна к решениям вождей варварских племён. Всем наплевать на замерзающих людей диких стран, на взрывы и теракты в государствах третьего мира. Изредка проявляется интерес к сверхнеобычному событию, да и то мировая общественность ограничивается скудным кивком. Мол, заметили. Всем безразличны судьбы далёких и чужих людей.

Если в России телевидение, радио, вся пресса муссирует один и тот же случай, беззастенчиво ссылаясь на зарубеж-

ные источники, то эти самые источники за рубежом подобной информации уделяют несколько скупых строчек, да ещё в таком месте газеты, где никто ничего не читает.

А может быть, зря? Может, напрасно мир отмахивается от существования этой державы? Может быть.

Вот и зарождение национальной идеи в Великой державе прошло незамеченным мировой общественностью, рвущей глотку за спасение подышающих на далёкой льдине тюленей, но равнодушной к жизни соседа за стенкой.

Только иностранные спецслужбы по своему долгу обмусолили новую информацию, да и отбросили её в сторону, как ничем не примечательную. Идею приняли за каприз людей, полуобезумевших от голода и страха за завтрашний день. Этим странным и непонятным русским: до сих пор помогающих странам так называемой соцориентации, спасающих африканских беженцев от тропических насекомых, но забывающих о собственных вынужденных переселенцах из республик бывшего могучего Союза.

Алекс Стрэн не упустил новую информацию, заставив аналитический центр наблюдать и работать. Сам босс АНБ ни на минуту не снимал руку с пульса России.

Он наблюдал за дебатами. Любят в России помахать кулаками после драки! Национальная идея принята и успешно претворяется в жизнь, а журналисты, писатели и актёры затеяли дебаты: быть или не быть национальной идее? При чём именно в таком виде, в каком она сформулирована. Как по-

нять таких людей? Какой ещё народ станет сидеть в крошечной ночной тьме и решать глобальный вопрос: А зашло ли солнце вчера? И если оно-таки зашло, правильно ли это? Соответствует ли это международным правилам? Не нарушаются ли при этом свободы и права человека? Может, кто-нибудь не хотел заката солнца, а большинство хотело? Ущемляются права меньшинства! Как быть и что делать? А тем временем наступает очередной рассвет.

Да, заключил Алекс, можно хоть двадцать лет прожить в России, но нерождённым в ней, никак не понять ни стремлений, ни желаний, ни целей жизни этих русских.

— Это геноцид! — захлёбывался известный, в пределах Садового кольца, политик.

— Это возрождение Величества! — фанатично закатывала глазки с похотливой поволокой известная всей стране поп-певица.

— Это очередная дурацкая идея правительства! — заявлял никому не известный обыватель, досыта хлебнувший подобных лозунгов

Алекс понял. Правительством в России обыватели считают всех, стоящих у власти: от управдома до президента. Но не понял Алекс, что это — национальная идея русских?

Сами русские почему-то не пытаются понять. Но общественная жизнь в России закипела и забурлила. Внешне аполитичные люди с какой-то тайной страстью всматриваются в экраны телевизоров, запоем перечитывают публика-

ции прессы, стараясь уловить суть происходящего. Чиновники мгновенно начали перестройку своих рядов, чтобы удержаться на плаву. Госдума лихорадочно отыскивала пресловутый консенсус, церковь выжидательно замерла и воздержалась от оценки новшества внутренней и внешней политики государства. В школах и детских садах приостановили любую политическую информацию и на всякий случай увеличили часы физических упражнений. Работники здравоохранения надеялись на прибавку к заработной плате, военные ожидали свежего пополнения. Не осталось ни одного равнодушного к общегосударственному делу.

В это время умер дедушка Гриша.

Этого события никто не заметил. С трудом разлепивший глаза с похмелью, Афоня тупо посмотрел на собутыльника, уронившего голову на стол, чокнулся с опустевшей бутылкой, залпом допил полстакана и снова отключился, свернувшись калачиком, на широкой необструганной деревянной лавке.

Крепок сон алкоголика, но краток! Афоня очнулся, огляделся. Стакан пуст, бутылка опорожнена. Он толкнул деда. Увы, хозяин квартиры не отреагировал. Афоня поднял деда за подбородок, голова деда Гриши бессильно упала.

Ту-то и вспомнил Афоня зловещее предсказание! И вновь прошиб его холодный пот. В голове закрутились пьяные откровения деда: *соседка сверху — колдунья, умереть завтра. Заговорённый пропал Афоня ни за грош.*

Галиматья прошумела в голове. И вдруг отчётливое: «По-

смотри сайт дабл ю, дабл ю, дабл ю», — а дальше — ни слова. Это говорил дед? Или привиделось? Кажется, он записывал этот адрес. Афоня пошарил в карманах, пусто.

Надо сообщить о смерти жильца. В милицию? В скорую? Или сказать соседям?

Всяко разное, получалось абсурдно. Скорая уже не поможет, менты в первую очередь загребут Афоню и закроют «до выяснения», а соседи посочувствуют и сдадут тем же ментам. Замкнутый круг какой-то!

В результате мучительных раздумий Афоня решил никому ничего не сообщать. Он обтёр кухонной тряпкой все предметы, к которым прикасался: от стакана до ручки унитаза и собрался уходить. Афоня уже вышел в коридор, но вспомнил: бутыль-то не протер! Он вернулся в кухню, оказалось, несёт мертвечиной. Афоню передёрнуло. Превозмогая тошноту, он липкими от страха ладонями ухватил бутылку и начал лихорадочно тереть её стенки, поворачивая горлышком из стороны в сторону. Случайно Афоня взглянул на стол. Там лежала замызганная бумажонка. Афоня похолодел, только что там ничего не было! Афоня уложил бутылку на колени и взял листок бумаги размером с лепесток садовой ромашки, перевернул и прочёл электронный адрес. Тот самый, что силился вспомнить. Афоня содрогнулся и уронил бутылку на пол, стекло звонко расколосось. Он вскочил на ноги. Какой он дурак! Не надо убирать никаких следов. Он не убивал деда! Плевать на всякие подозрения! Сейчас

он поднимется к себе и будет молчать, как рыба.

А что? Не был он у деда Гриши! Дед умер сам по себе. А что двери открыты, так это все знают: дед Гриша никогда их не запирает, будучи дома. Много всяких друзей алкашей к нему заглядывало: дома выпить мешают, а дедушка Гриша всегда рад! И выслушает, и закусить огурчик сообразит.

От этой мысли Афоне стало не по себе. А если кто из друзей деда заскочит прямо сейчас? Век ведь не отмажешься! Афоня, не теряя ни секунды, рванул в подъезд. Выскочив на лестничную площадку, он услышал шаги сверху Эх! Не добежать до квартиры незамеченным!

Он заскочил обратно и накинул щеколду. Закрыто — никого нет дома.

Шаги затихли. Кто-то встал по ту сторону дверей. Он шумно дышал.

В двери не стучал, за ручку не дёргал.

Афоня прижался ухом к двери. Шумное дыхание. И удары сердца: тук-та-а! Тук-та-а! Чертовщина какая-то! Афоня слушал несколько минут и понял: это колотится его собственное сердце! И дышит, похоже, он сам.

Правду говорят, что у страха глаза велики. Кроме того: шумное дыхание и громкое сердцебиение! Афоня отошёл от дверей.

И в этот самый момент, дверь как будто подалась внутрь. С едва слышимым скрежетом она двигалась. Очень-очень медленно, но двигалась!

Это становилось страшным. Как может дверь, открывающаяся кнаружи, вдавливаться внутрь?! Афоня прижал её плечом. Теперь он ощущал неторопливое и мощное давление снаружи. Афоня отскочил прочь и вновь ударил по двери плечом. Кажется, встала на место.

Дыхание за дверью усилилось. Почему они молчат? Что им нужно? Афоня не сводил испуганных глаз с косяков. В месте их прикрепления к стене отсыпалась штукатурка. Нет, не выдержат косяки!

Афонию осенило. Стоит ли стоять и трястись от страха, когда можно преспокойно удрать через окно первого этажа? Он развернулся и рванулся вглубь квартиры.

Едва он достиг порога коридора, как дверь, ведущая в комнату, с шумом захлопнулась.

Афоня толкнул её, безуспешно. Толкнул с разбега и сильно ушибся. Тонкая фанерка не поддалась. Показалось, за дверью сплошная бетонная стена! Афоня оказался замкнутым в узеньком обшарпанном коридорчике: в двух шагах по обе стороны от закрытых дверей.

Афоня вспомнил рассказ деда Гриши о колдунье. М-да! Попал в передрагу. Надо когти рвать из этого дома, продавать квартиру и бежать, куда глаза глядят! Только бы не оказалось поздно!

Похоже, оказалось.

Со стороны входной двери раздался скрежет. На глазах Афони затряслась стена, дверная коробка под действием

внешней силы ввалилась внутрь. Афоня еле успел отскочить и прижаться к фанерной дверце. В опустевший дверной проём дохнуло могильным смрадом. В глазах разом потемнело, и Афанасий Петрович Никифоров потерял сознание.

Глава 20

В режиме абсолютной секретности президент США прибыл на испытательный полигон Пентагона. Он встретился с ведущими силовиками страны, в числе которых оказался и Алекс Строэн. Этот чудаковатый малый, спасший нацию однажды, мог пригодиться и теперь. Неизвестно почему, но президент доверял ему больше всех остальных.

Маршалы с угрюмыми складками подбородков кратко доложили суть эксперимента главе государства. Президент кивнул и удалился в специальную ложу, пригласив с собой Алекса. Телохранители остались снаружи.

Алекс Строэн ловко проскользнул первым и исследовал помещение.

Он улыбнулся и вынул из кармана мини-прибор размером с хозяйственную спичку. Алекс положил его на пол посреди комнаты.

– Для чего?

– На всякий случай.

– Ты полагаешь, что и президента прослушивают?

– Кто знает, — пожал плечами Алекс, — пусть слушают

классическую музыку!

– Как это?

– Этот аппарат не обезвреживает жучки, — пояснил Алекс. — Он меняет волны. Если жучок установлен, то улавливает только музыку.

– А нам не мешает?

– Что? – улыбнулся Алекс.

– Музыка!

– Нет, мы её не услышим.

– Значит, вероятность, что нас прослушивают, равна нулю?

– Более того, с отрицательным знаком! Минус ноль!

Президент улыбнулся, он любил юмор.

Испытания начались. На поле вышел человек в странной форме, похожей на латы средневекового воина. Он прошёлся словно по подиуму, показав, что не страдает от тяжести доспехов.

Выехал танк, из его башни показался ствол пулемёта и направился прямо на солдата. С расстояния двадцати метров он был расстрелян в упор. Несмотря на это, солдат продолжал движение.

Он наступил на мину, та разорвалась, застав поле густым дымом. Едва осела копоть, стало видно, как солдат движется дальше.

Затем его переехал танк. Чётко было заметно, что это не фокус: ноги бойца остались по эту сторону гусеничного тра-

ка.

Когда бронированная машина проехала, солдат вскочил и резво запрыгнул на продолжающий движение танк.

– Киборг? – удивлённо спросил президент.

– Чепуха, какой киборг? Сержант ВМС Браун!

Сержант спрыгнул с танка и подошёл к президентской ложе. Он продемонстрировал свои доспехи. Лёгкий шлем, щитки как у хоккеиста, только компактнее и, похоже, легче. Защищена в среднем одна четверть тела солдата.

– В этом всё новшество, — пояснил шеф Пентагона. — Компьютерное поле! Создаются волны–разряды между лёгких пластиковых щитков.

– Хорошо, – согласился президент, разговаривая с военными по селектору. — Волны–разряды могут отталкивать пули и осколки, изменяя их траекторию, но тяжесть танка?

– Вот тут-то и наш секрет! — с гордостью выдал генерал, с подозрением глянув на Алекса Стрoэна, скорчившего в ответ ему жуткую гримасу.

– Доложите! – потребовал президент. — Граждане самой свободной и демократичной страны должны знать, куда идут деньги налогоплательщиков!

– Это тайна, — упрямо повторил генерал.

– Я скажу сам вашу тайну, — ворвался в разговор Алекс Стрoэн. — Всё дело в том

– Заткнись! – выкрикнул генерал.

– Пусть скажет, — великодушно разрешил президент.

– Мало того, я даже покажу! — угрожающе махнул кулаком Алекс — Господин президент! Этот костюм — есть день вчерашний! Не стоит финансировать старомодное тряпье! Да! У этих доспехов есть немало достоинств, как и у веретена наших бабушек креолок, но не более того! Зачем нам веретено, если уже есть ткацкий станок?

– Ты это о чём? — не понял генерал и, не дожидаясь хвастливых речей этого чудика, начал рассказывать о преимуществах собственного проекта: — Видите ли, господин президент. Пули и осколки вовсе не огибают солдата, они гаснут, не долетая до него! Компьютерное поле поглощает их энергию: можно стрелять почти в упор! Только расстояние от ствола до тела солдата не должно превышать толщины пластинок, а это полсантиметра! С танком ещё проще: гусеницы трака выгибаются, зависая в воздухе над солдатом в доспехах, и всё.

– А если пушкой? — ухмыльнулся Алекс.

– Чего, пушкой? — не понял генерал.

– Испытать доспехи пушкой, каково?

– Огонь! — вдруг рявкнул генерал.

– Да ты что? — взревел Алекс — Отставить!

– Огонь! — упрямо повторил приказ генерал.

– Перестаньте валять дурака! — кричал Алекс, включив селектор на полную мощность.

– Знаем, что делаем! — ответили ему военные.

Солдат вышел на исходную, демонстративно развёл руки

в стороны, башня танка развернулась пушкой к нему и с расстояния тридцати метров шарахнула по мишени.

Когда разошёлся дым, все с замершим сердцем, не отрывая глаз от места живой мишени, ждали, когда встанет солдат и пойдёт дальше.

Увы, от сержанта Брауна остались одни клочки. И те разлетелись в разные стороны.

Президент нахмурился и жирной чертой по диагонали перечеркнул проект Пентагона. Ни слова не говоря, Глава государства вышел из ложи.

– Посмотрим ещё на твой ткацкий станок, — с трудом расслышал Алекс.

А снаружи, брызжа слюной, орал генерал и грозил всеми кулаками шефу безопасности, позабыв, что его микрофон давно отключен. По шевелению его губ можно было определить: «Ох, и набыю я тебе морду, Алекс! Провокатор несчастный!»

– Помечтай, помечтай! — громко выкрикнул Алекс в селектор и поспешно ретировался.

Полдела шефом АНБ сделано. Проект Пентагона не прошёл. Но и проект Алекса не мог быть засвечен. Всему виной неожиданная утечка информации. Алекс разозлился. Зерно сомнения, посеянное им, успешно дало всход. Но так можно и погубить действительно нужную вещь, без которой безопасность стране не гарантирует никто.

Вернувшись в собственную резиденцию, Алекс Стрэн

немного успокоился, определив, что его левая рука — агент Орвилл Янг уже на задании. Осталось лишь скрестить пальцы в ожидании рапорта о выполнении.

Глава 21

Только в фильмах про шпионов или разведчиков всё гладко, понятно и ровно. Пришёл, увидел, победил! На самом деле, только «пришёл» сопряжено с огромной подготовительной работой. Что тут говорить об «увидел» и «победил»?

Агенту Орвилллу предстояло в минимальный срок выполнить задание, цели которого не знал и сам босс! Зато многие исходные были в пользу разведчика. Кто бы мог подумать, что агент АНБ сможет запросто передвигаться по дикой стране и делать всё, что ему вздумается? Спецслужбы России занимались выяснением отношений между собой и внутри организации — им некогда ловить шпионов.

Но и при таком положении дел Орвилллу Янгу пришлось много трудиться и потеть. И всему причиной — Кэт. Эта дамочка оказалась достаточно сексапильной особой и умудрилась выжать агента, как лимон. Кроме того, она задала хлопот своим безразличием. Когда Орвилл заявил, что не он прочь пожить у Кэт, она состроила такую гримасу, что нормальный мужик убежал бы от неё сломя голову. Орвилл хоть и был нормальным мужиком, но в данный момент, представлял агента национальной безопасности, поэтому пренебрёг

раздувшимися до невозможности губками.

– Слушай, Кэт? — он заглянул в глаза подружки. — Ты русская?

– Русее некуда! А об чём это ты? Намекаешь на русское гостеприимство?

– Если ты русская, — не отводя глаз, завораживающим тоном продолжил Орвилл, — то прекрасно понимаешь все условия бизнеса в вашей стране.

– Ну? — нетерпеливо поджала губки Кэт, сморщив носик.

– Рэкет и так далее — неопределённо произнёс Орвилл.

– Слушай, Олежка! Что ты мне морочишь голову? Хочешь спрятаться у меня от КГБ?

– Ха-ха-ха! — искренне рассмеялся Орвилл. — Какое КГБ? Мне необходимо убрать от любопытных глаз своё обрудование. Кругом конкуренты! Гостиница, сама понимаешь, для этих целей не годится.

– А Паскудниково годится? — как-то ехидненько спросила она.

– Очень даже годится, — убеждённо сказал Орвилл. Он моментально сообразил, определив созвучие района Москвы: Бескудниково — место обитания ментов, дипкорпуса и, конечно, спецслужб.

– А я тебе понравилась? — неожиданно повела бедром Кэт.

– Ты просто великолепна!

– И ты возьмёшь меня замуж и увезёшь в свою счастливую

Америку?

– Нет.

– Хоть не врѣшь, и на том спасибо! — обрадовалась своим мыслям Кэт. — Ладно, поехали ко мне! Не забудь про своё оборудование. Или тебе нужен Камаз?

– Нет. Камаз мне не нужен. Достаточно машины напрокат.

– Чего, чего? Машина напрокат? — Кэт залилась счастливым смехом. Так смеются наивности своего малыша, ляпнувшего очередную глупость.

– А что?

– А то! Ты не в Америке, милый!

– Так у вас же цивилизация! Демократия!

– А у нас цивилизация сквозь демократическую решётку!

— Кэт состроила квадрат из тонких пальцев перед лицом и подморгнула лукавым глазом сквозь окошечко.

– А перевозки?

– Ах, перевозки? Это легче лёгкого! Звони, заказывай машину, только рассчитывать стану я!

– Почему?

– Да потому! — Кэт демонстративно оглядела Орвилла–Олежека с ног до головы и хмыкнула: — Рожа у тебя выкупная!

– Это как? — решил прикинуться дурачком Орвилл. — У меня купят рожу?

Кэт вдруг строго глянула ему в глаза. Читалось: «За дурочку меня держишь?» Орвилл не отводил ясный взгляд.

Так продолжалось несколько секунд. Шпион тренированно смотрел, не мигая и сохраняя простодушно глуповатое выражение лица. Он даже приоткрыл рот, словно пытаясь что-то сказать. Кэт вроде бы удовлетворилась, но что-то оставила себе на уме. Она хихикнула и сняла напряжение.

– Да ты – вылитый агент ЦРУ!

– Агент чего? Цэ рэ у? — Орвилл вскинул брови.

Они расхохотались. Соглашение достигнуто.

Спустя полтора часа в зашарпанной комнатёнке Орвилл распаковывал свой багаж. Кэт уехала на работу, оставив ему ключ и договорившись о встрече.

Она элегантно уселась в такси и с огромным удовольствием назвала адрес лаборатории. Никогда ещё не было такого чудесного настроения: с утра и не опохмелившись!

В том, что зацепила шпиона, она ни грамма не сомневалась. Осталось дело за малым: как его заинтересовать? Чем? Кэт перебрала в голове всевозможные варианты передачи секретной информации. Но никаких секретов не знала.

– Бизнесвумен? Своя тачка в ремонте? — подал голос водитель.

Захотелось послать его куда подальше за этот слащавый тон. Опять её приняли за проститутку! Да сколько это может продолжаться-то? Кэт посмотрела на шофёра. Простодушное круглое лицо таксиста ничего не выражало. Похоже, ему надо просто потрепаться, а не с кем.

– На тачку ещё не заработала, — беззаботно сказала Кэт.

– Я тоже, – вздохнул шофёр.

Только этого Кэт не хватало! Сейчас пойдёт грузить своими проблемами, когда своих по горло! Кэт сникла.

– Главное – цель! — неожиданно бодро произнёс шофёр, перестраиваясь в другой ряд.

– Что за цель? — удивилась пассажирка. Она заинтересованно посмотрела на молодого человека в полинявшей олимпийке со сломанной молнией.

– Как нас в школе учили? — задал вопрос шофёр, и сам ответил: — Чтобы в первую очередь, быть человеком!

Кэт сморгнула. Он ещё и идиот, оказывается!

– У человека всё должно быть прекрасно, — самозабвенно заливался водила: — И одежда, — он напряжённо крутанул баранкой, вглядываясь в дорогу, — и одежда.

– И ещё раз одежда! — развеселилась Кэт, потрепав его за изношенный рукав.

– Да! И одежда тоже, — согласился таксист, — и машина, и дача!

– Вилла?

– Ага, фазенда.

– И всё это достигается честным трудом, — назидательно произнесла Кэт.

– Хм, необязательно.

– Как? А как же школа?

– Какая школа?

– Та самая, где нас учили быть человеком.

– А если нечестным трудом? То уже не человек? — шофёр аж подпрыгнул на сиденье. – Да ни одно животное не умеет лгать! Хитрить, может быть, но неосознанно. Лиса, например. Она же на рефлексах, на генетической программе!

Кэт поёжилась. Он ещё и резонёр, и шизофреник!

– А человек так накружит собрата, что тот и не поймёт, станет руку жать и радоваться!

– И что? – Кэт презрительно выставила губки. — Ты хочешь враньём себе капитал заработать? Интересно! Дураков-то нынче нет!

– Это у нас нет, — убеждённо выдал шофёр, — а вот там, за бугром, хватает!

– И кого же ты станешь кружить? Президента США? Или премьер министра Англии? А может, короля Иордании, а?

– Ну, зачем же так высоко? — с полной серьёзностью продолжал шофёр. — Бизнесмены тоже отпадают.

– Почему?

– Да капиталу маловато! Они верят только кошельку. И чем толще кошелёк, тем больше шансов накружить бизнесмена.

– Тогда, кого?

– А шпионов! – неожиданно выдал таксист.

Кэт чуть не поперхнулась. Как? Она-то глупышка думала, что в России всюду бардак, что нет уже вездесущих органов. И вот тебе по балде! Чекист, прикинувшийся чайником, везёт её через весь город! Вот так, девочка, доигралась! Если

сразу не арестовали, станут вербовать. Это ещё противнее. Влипла капитально. Кэт вздохнула и взяла себя в руки.

— Я понимаю, агент 007! Это женщина может с ним крутнуть, да и то. Подарит свою разбитую после операции машину, а может и нет! А ты как его накружишь? — Кэт настороженно ждала ответа. Вот, сейчас начнётся вербовка!

Шофёр задумался.

Так и есть, решила Кэт. Сейчас начнёт травить, мол, денег сейчас у чекистов не особо, мол, девка ты молодая, видная, сама себе зарабатываешь, а мы, мол, подскажем, как твоего Олежека лопухнуть.

Сама, дескать, не справишься, даже не мечтай! В лучшем случае найдут тебя в колодце с перерезанным горлом, в худшем Впрочем, сама всё понимаешь.

— Как это как? — возмутился шофёр. — Ты что, очевидного не замечаешь?

Кэт благоразумно промолчала.

— Выискиваешь шпиона, так. Покупаешь пузырёк водочки, — таксист причмокнул языком. Взрыв смеха прервал его размышления вслух. Кэт смеялась навзрыд: веки ресницы потекли от слез, живот просто разрывался, груди болтались так, что едва не вывихнулись! Она подумала: «Хорошо, у титек нет суставов!» — и расхохоталась ещё сильнее.

— Да не трещи ты, как сумасшедшая! — вспыхнул шофёр. — Да! Да!!! Именно, берёшь бутылочку!

— Спаиваешь его в брабадан и сдаёшь компетентным ор-

ганам! — сквозь смех сказала Кэт. — И за это, ха-ха, получаешь грамоту Почёта, которую запретят показывать даже родной маме!

— Ерунда! — отмахнулся шофёр. До чего же глупое женское племя! Сидит, ржёт, а смысла не мает. — Этот пузырьрёк с тобой ни один шпион пить не станет!

— Тогда так, выпиваешь его сам, виснешь на шпиона, про-сишь его проводить до дому, а сам ведёшь его напрямиком на Лубянку!

— Ты почему не даёшь сказать-то?! — рывкнул шофёр.

Точно, психованный! Сама-то хороша! Приняла обычного идиота среднерусской возвышенности за сотрудника КГБ! Кэт проглотила остатки смеха, взглянула на улицу. Ехать осталось немного. Пусть уж довезёт по-тихому. Мало ли что у маньяка в голове?

— Всё, молчу, — Кэт принялась разглядывать себя в зеркальце и приводить в порядок смазливенькую физиономию.

— Вот, — успокоено продолжил умственные изыскания шофёр, — берёшь пузырьрёк, — он с опаской глянул на пассажирку — та оставалась серьёзной, как мумия, и вдохновенно сказал: — спаиваешь сторожа какого-нибудь НИИ тяжёлых металлов. Он собирает бумажки из мусорных корзинок, и всё!

— Сторож — не уборщица! — подыграла Кэт бреду шофёра.

— М-да, — водитель почесал в затылке, — ну и что? Как-

нибудь сам сообразит. А с бабой лучше не связываться: начнёт трещать, как ты, и всё дело испортит. А алкаш никогда не спросит что, да для чего! Пузырёк е? Что ещё?

– Хорошо, а бумажки куда?

– Какие бумажки?

– Ну те, из мусорной корзинки!

– Э! Вот тут-то, самое интересное! Набрать побольше, скласть как-нибудь похитрее и пропустить через ксерокс на один лист. Пусть небольшие накладочки будут, тем убедительнее!

– А шпион? Он что, по-твоему, дурак?

– Не! Ни в коем случае! Но ему работать-то, надо? В России больше платят, стало быть, процент вербовки должен быть на уровне! И шпион будет знать, что я ему туфту гоню, и я тоже! Он сам обработает мою информацию так, что подаст в лучшем виде — как самую сверхсекретную! Конечно, так долго не протянешь, но можно и в другой НИИ заглянуть, с такой же бутылочкой!

– Эдак много не наробишь!

– Много – немного, а все мои будут!

– Ты за баранкой больше капусты настрижёшь.

– Э, нет. Тут-то ты и не права! За один только сеанс связи с агентом хапну штучки две–три зелёных!

– Флаг в руки, — безразлично сказала Кэт.

– Вот флага не надо! Всё должно быть максимально секретно, — убеждённо произнёс шофёр. — И чем больше сек-

ретности, тем дороже сделка. Кстати, приехали!

Кэт посмотрела на счётчик. Работает! Да он, действительно, идиот. Она небрежно бросила смятую двадчатку зелени на колени таксисту.

Глаза шофёра округлились.

– Я у меня сдачи не будет, — еле выжал он из себя, сам же так сжал баксы, что хрустнули суставы во всех пальцах сразу.

– Слушай, ты в дурдоме был?

– Был. Только что, — шофёр поверил, что баксы ему отдали навсегда. Это ли не дурдом?!

– А чего сбежал? — Кэт уже вылезла из салона и стояла, держась за дверцу.

– Я? — не нашёлся водила.

– Кормили плохо! — подсказала Кэт, подмигнула и захлопнула дверцу. Она развернулась и, слегка покачивая бедрами, грациозно проплыла к крылечку лаборатории.

– Все вы, шлюхи, одинаковые! — до шофёра дошёл смысл прощальных слов пассажирки. – К вам со всей душой, а вы? Шлюхи и есть!

В сердцах он плюнул на отключенный счётчик и стукнул кулаком по баранке.

Кэт не оглянулась на пронзительный сигнал такси. Она нисколько не жалела о двадчатке, этому идиоту можно было дать больше. Плевать на его шизофрению, дорога идея!

Она теперь знала, как приручить Олежека.

Тем временем Орвилл разобрался с багажом. Он понял,

что босс серьёзно отнёсся к его заданию. А сам говорил, мол, чепуха, там никакой, техники, кроме «русского компьютера»! Тогда почему оснастил агента современнейшим оборудованием и экипировкой? Видать, так необходимо. Орвилл откинулся на спинку доисторического кресла, что-то скрипнуло и, мгновение спустя, он оказался на полу. И только благодаря выучке Орвилл не стукнулся затылком о голый пол. Это небольшое приключенье убедило Орвилла, что следует отнестись к операции со всей строгостью. Страшная страна эта Россия. Неприятные неожиданности подстерегают на каждом шагу. Сказал же их классик что-то такое, вроде «куда несёшься, Русь?» и «не даёт ответа». Если уж и русскому не даёт ответа, что скажет американцу? Скорее всего, ничего. Значит, надо узнать самому!

Орвилл поднялся, осторожно присел на краешек кресла и принялся просматривать последние газеты. Порой пресса выдаёт все секреты, сама не подозревая об этом. Веяния цивилизации чувствовались и в России. Если раньше кроме загадочных закровов Родины узнать было ничего невозможно, то теперь, пожалуйста! Из космоса не увидишь того, что напечатано в российских газетах. Орвилл набрал бульварных изданий с кричащими заголовками не соответствующими содержанию статей. Так, если писалось: «Опустили скрипача», — то в статье сообщалось, что некий скрипач получил место в оркестровой яме. И такая дребедень в каждой статье! Голова Орвилла начала пухнуть, захотелось от-

бросить прочь цветные газетёнки, но он наткнулся на заголовок «Автора на мыло!» Заинтересовался. Речь шла об авторе национальной идеи. Оказалось, поиском идеи занималось целое управление под руководством г-на Акульева, что мыльная опера длилась несколько месяцев, наконец «*никому неизвестный*» профессор Апостолов вдруг её родил. Орвилл усмехнулся, люди поглощающие подобное чтиво, понятия не имеют об Апостолове, досье которого лежит на столе Алекса Строзна! Орвилл запомнил фамилию Акульев и прочёл ещё одну статейку. Да, за неё бы коммунисты упрятали автора, и надолго! «Вампиризм двадцать первого века» сообщал о находке, опять же никому неизвестного учёного Лупина, твёрдого шанкра в желудке трупа! Интервью с ну очень известной телеведущей поясняло, что шанкр как первичное проявление сифилиса появляется только там, где произошёл контакт с партнёром. Она пространно выразилась о пути передачи сифилиса через кровь, из чего журналист сделал смелые выводы. Кроме того, репортёр прямым текстом для шпиона писал: *Теперь дело целиком в руках профессора парансихологии г-на Акульева, совмещающего заодно командование национальной безопасностью.*

Орвилл присвистнул. И стоило тащиться в такую даль? Можно бы и в штатах ознакомиться с жёлтой газетёнкой, пестрящей обнажёнными натурами!

Орвилл Янг понял, почему босс посоветовал прихватить с собой распятие. Он уже знал, куда идти и приблизительно

догадывался, что его там ожидает.

Орвилл прошёлся по квартирке Кэт, осмотрелся. Обстановка так себе. Но бывало и похуже. В Гарлеме, например. Но там не было книг! Тут же, самую длинную стену загораживали полки, полные книг. Глаза разбежались. Авторы рассортированы по странам. Орвилл отыскал США. Надо же! В его родной стране столько классиков! Вот так! В доме нет приличного кресла, а вот библиотека, пожалуйста! Удивительный народ, ничего не скажешь. Не знают, где взять деньги для себя, но читают о громадных состояниях других людей. Орвилл пробежался глазами по полке русских классиков. Гоголь! Не он ли писал о скачущей тройке? Похоже, он. Орвилл взял второй том, раскрыл книгу наугад и зачитался. Время позволяло, да и интересно. Что-то знакомое, Вий, позапрошлый век, но что изменилось? Ведь Россия: что Иван Грозный, что Пётр Великий, что Ленин—Сталин — всё одно! Теперь вот, господин Акульев — парапсихолог. Орвилл решил прочесть внимательно, но начали попадаться слова, вроде: пали, маковники, нагидочки, барвинки, кнуры, — безо всяких пояснений. Из-за них смысл не улавливался. Орвилл рассеянно листал книгу, сказывалось слабое знание языка. Он раздражённо пропускал целые страницы с непонятными словами, так долистал до конца. И почему он считал себя знатоком русского языка? Почему думал, что среднестатистическому русскому далеко до него?

— Да, это не Кинг, — вслух сказал Орвилл. — Это просто

сказка какая-то!

Орвилл отстранённо посмотрел на книгу и вдруг почувствовал исходящую от тома Гоголя неукротимую энергию, мощнее кинговской. Неужели? Неужели автор всё это видел собственными глазами? Хотя, может, и видел. Если у них тут «на базаре что ни баба, то ведьма», плюс природный алкоголизм — ещё не такое привидится! Орвилл считал всех, русских алкоголиками, поведение Кэт только укрепило его убеждение.

«Вий» не произвёл сильного впечатления на Орвилла, но всё же он решил не соваться в Контору до первых петухов: чем чёрт не шутит?!

– Когда кричит первый петух? — первое, что спросил он у появившейся дома Кэт.

– Смотря какой, — загадочно улыбнулась она. Орвилл почувствовал подвох и замахал руками.

– Который куриный!

– Ах, куриный? А ты спроси чего-нибудь полегче!

– Который петух, кукареку, а? — не отставал Орвилл.

– Ну, петух! Ну, кукареку! У вас в Америке он что, в другое время поет?

Орвилл смутился. Действительно, Кэт права. Они оба не знают такой мелочи.

– Да какая разница? Сколь бы он не орал — яичко не снесёт!

– Конечно, — согласился Орвилл. — Всё равно интересно.

— А ты ещё спроси у меня, когда первая дойка! — надулась Кэт. — Что, если видишь, в нищенской конуре обитаю, то и крестьянка! Колхозница какая?

— Нет. Нет! Что ты?! — похоже, у русских это самое большое оскорбление. — Никогда бы не подумал, что ты колхозница и крестьянка! Как можно? Ты, Кэтти, обижаешь меня такими подозрениями!

Орвилл приблизился вплотную и обнял её за талию, о чём впоследствии сильно пожалел. Мало того, что не узнал время крика первого петуха, так ещё и расстался со своими планами. Хотелось где-нибудь поужинать с Кэт, плеснуть ей стаканчик другой, уложить её спать и пойти в Контору.

Оказалось, Кэт совсем не хочет кушать да и выпить ей не нужно. А вот коли обнял, Олежек, доводи дело до конца!

Что оказалось не так уже просто. Агент национальной безопасности США застрял всерьёз и надолго. Настолько надолго и настолько всерьёз, что думать не думал и гадать не гадал.

У Орвилла оставалась слабая надежда, что диван развалится, но и она не оправдалась.

Зашло солнце, когда Кэт позволила Олежке отдохнуть.

Пользуясь добродушием партнёрши, он вскочил и начал одеваться. Кэт в сладкой неге лениво наблюдала за его рассчитанными движениями: никакой суеты и спешки. Чувствовалась многолетняя выучка.

— Мой шпион торопится на задание?

— Так точно! — бодро ответил Янг.

– А ресторан?

– Будет.

– После дождичка в четверг?

– В ясную погоду, и сегодня. Прямо сейчас! — Орвилл подошёл ближе, но осмотрительно не прикасался к Кэт. — Одевайся!

– А ты мне не поможешь? — игриво спросила она.

– Вряд ли. Я понимаю, не знаю, куда что надевать.

– У ваших американочек другое бельё?

– Не знаю, – неизвестно почему стал раздражаться

Орвилл.

– А! У вас нет джентльменов, ясно.

– А у вас есть джентльмены?

– Ох! Вспомнил тоже! Да наших джентльменов ещё в семнадцатом году к стенке поставили!

– И до сих пор там стоят?

– Не-а! Там теперь их внученьки стоят. Только вот, стена стала панелью называться!

– Вот как? — Орвилл не улавливал смысла, но по глазам Кэт понимал, что она ёрничает. В чём подвох, он не знал, но на всякий случай улыбнулся.

– А то! – Кэт наконец оделась. — А ты знаешь старую русскую поговорку: Не та собака, что лает, а та

– Та, что кусает!

– У, ты какой! Всё знаешь. Тогда, продолжи и другую: Не тот мужчина, что раздевает, а тот, что?

– Лает, что ли?

– Дурак!

– Кусает?

– Дурак в квадрате!

– Спасибо, хоть не в круге.

– Не в круге, но станешь дураком в кубе, если с третьего раза промажешь!

– Одевает что ли? — Орвилл сразу понял, но не решался ответить правильно. Он не знал, что может понадобиться Кэт? Ведь уже оделась сама!

– Именно, умница! Одевает!

– Ты же сама оделась.

– А ты мужчина?

– Не провоцируй.

– Ладно, забудем. Когда поймёшь смысл пословицы, тогда и пойдёшь на своё шпионское задание.

– Это почему? — решил подыграть Орвилл.

– А потому! В Кремль с такими знаниями и соваться нечего! Там все — мужчины!

– Ха-ха-ха! — не удержался Орвилл, ему представились ведущие политики России в широком экране одевающие собственных жён, любовниц и прочих женщин.

– Слушай, Олежек, ты точно как иностранный шпион!

– Почему?

– Почему, как?

– Нет, почему: почему?

– О! Да ты остроумен! Будь по-твоему, едем в кабак.

Орвилл подчинился. Через несколько минут парочка оказалась у любимого ресторана Кэт.

– Мой друг, иностранный шпион, Орвилл Янг. Можно просто, Олежка! — представила Кэт швейцару своего спутника.

Олежка деликатно кивнул и соорудил такую мину, что даже выдавший виды швейцар улыбнулся в густые усы. Гардеробщик не остался в накладе:

– А ты его радистка! Ну, уморила, Катька!

– А ты, Маруська, глаз на него не клади, отстегну! — пригрозила Кэт пухловатой официантке, сощурившей похотливые щелки.

Неплохая реклама, надо сказать! Орвилл чувствовал себя в абсолютной безопасности, хотя и заметил двух интеллигентно одетых типов. Они сидели в уголку так, чтобы просматривать всю площадь ресторана, в их неторопливых движениях явно угадывались люди из спецслужб. Услышав радостные возгласы Кэт: «Шпион! Шпион!!!» — мужчины коснулись его безразличными взглядами и отвернулись. Они пасли кого-то другого или просто отдыхали. На их месте Орвилл тоже не стал бы обращать внимания на выкрики смазливой девицы. Других подозрительных типов не проглядывалось. Орвилл расслабился.

Счастливая парочка просидела недолго, танцевать не хотелось, пить почему-то тоже. Орвилл поднялся, расплатился

по счёту, на всякий случай улыбнулся украдкой Маруське, подал руку Кэт, приглашая к выходу. Кэт опёрлась о локоть спутника и едва оторвала изумительную попку от стульчика, как сразу на неё навалился Олежёк и уронил девушку на пол.

Вопль возмущения Кэт потонул в беспорядочных автоматных очередях. Звонко сыпались склянки, грузно падали тела, только что бывшие людьми, а Орвилл ползком оттащивал подружку в мёртвую зону, недоступную обстрелу. Машинально он потрогал предохранитель безотказной «береты», но вынимать пистолет не стал. Какой смысл? Вряд ли идёт охота за американским шпионом.

Оттащив Кэт в сторону, Орвилл огляделся. Стрельба не прекращалась, с улицы долбило несколько Калашниковых, изнутри отвечали одиночные расчётливые хлопки «пээмов». С каждым выстрелом пистолета навечно замолкала одна из очередей. Бой, конечно, неравный. С улицы молотили наугад, а изнутри работали профессионалы.

Наконец завизжали сирены. Мгновение спустя раздался голос из мегафона. Как обычно, объявили, что все окружены, предлагали сдаться

Уличные бойцы то ли сдались, то ли погибли. Выстрелы изнутри прекратились. Вот тут-то и началось самое интересное!

Сквозь разбитые стёкла в ресторан ворвалась команда одетых в камуфляжи бойцов с чулками на головах. Отряд, охранников правопорядка принялся долбить вусмерть остав-

шихся в живых. Причём они не разбирались: женщина ли перед ними, мужчина ли. Окажись тут дети или старики, Орвиллу показалось, что и их бы топтали коваными подошвами кожаных ботинок.

В жизни каждого агента возникает час провала: рано или поздно, сразу или исподволь. Орвилл приготовился к такому повороту событий. Из-под стойки бара, куда они заползли с Кэт, обзор был небольшим, Орвилл двинулся кпереди. Тут кто-то ухватил его за ногу. Орвилл чуть было, не оборачиваясь, не разнёс вдребезги мозги подруги, но по наитию развернул голову.

– Ползём, ползём за мной, быстро! — прошептала она.

Другой бы спорил, подумал Орвилл, он же подчинился и не ошибся. Через два метра Кэт присела на корточки и глазами просигнализировала: помощи!

Они вдвоём открыли какой-то люк в полу и скакнули вниз. Первой Кэт, за ней Орвилл. Закрывая крышку, он краем глаза заметил, как ворвавшиеся бойцы с неистовой ожесточённостью топчут одного из сидевших в зале профи.

Орвилл поморщился. Страна парадоксов!

Когда они благополучно выскочили на улицу через кухню ресторана, Кэт прошептала, уткнувшись носом в плечо спутника:

– Прости, Олежек.

– За что?

– За испорченный вечер.

– Мелочи, – отряхиваясь от пыли ответил Орвилл. — Теперь домой?

– Разве ты не пойдёшь на своё задание?

– Обязательно пойду, — кивнул Орвилл.

– И не боишься хвоста?

– Какого ещё хвоста? — чуть не рассмеялся агент.

– Как какого? Да весь ресторан знает, что ты американский шпион!

– Главное, что ты это знаешь, — утвердительно произнёс Орвилл. Он слегка кивнул головой в сторону Кэт. Ей было непонятно, шутит или всерьёз?

– А между прочим, — Кэт слегка закатила глаза, — в зале сидело двое ментов, очень крутых ментов!

– Менты – это не КГБ! — беззаботно сказал Орвилл, ему понравилась роль шпиона.

– Эти менты круче любого КГБ будут. Видал, как из-за них двоих начали валить всех подряд?!

– А потом кто ворвался? Не менты?

– Менты, но другие.

– Некрутые?

– Не-а! Просто костоломы. Это у них ОМОНОм называется, сперва всех вырубают, потом разбираются что к чему!

– Ясно. Стиль работы такой.

– А если бы тебя, шпиона, взяли?

– Был бы международный скандал.

– А если бы тебя на Соловки или в Магадан?

– Ерунда! Скорее бы их туда направили. Представителя инофирмы по компьютерам упрятать в ГУЛАГ?

– Да ты, точно, шпион!

– Конечно! – подыграл Орвилл.

– Как будто всю жизнь тут прожил, так рассуждаешь. Ты из Лэнгли?

– Нет. Я из Форт-Мида, — честно сказал Орвилл.

– А-а, – протянула Кэт, словно поняла, о чём речь. И безо всякого перехода: – А знаешь анекдот о сокращении ракетных войск?

– Нет.

– Тогда слушай, — у Кэт прорезались морщинки на лбу, так сосредоточенно она вспоминала, чуточку помолчала, затем выдала: — Собрал генерал ракетчиков и объявляет: «Господа офицеры! В связи с последней договорённостью с Америкой нам необходимо провести сокращение штатов! Ясно? Вопросы будут?» Вопросов не было. Офицеры приуныли. «На десять процентов» добавил генерал, — «и начнём, пожалуй, с Флориды, Мэриленда, Вирджинии!»

Орвилл едва не поперхнулся от нервного смеха. Весёленький народец, эти русские! Говорят, сами не зная что! Почему Кэт назвала стратегически важные штаты?

– А почему не Калифорнию? — удивился вслух Орвилл.

– По площади не подходит, — моментально сориентировалась Кэт. — В десять процентов не укладывается! Не нарушать же из-за неё договор!

Кто из них шпион? Орвилла бросило в жар. Неужели Кэт пасёт его с первой встречи?

– Что с тобой, Олежа? — насторожилась Кэт. — Жалко каких-то паршивых десяти процентов Штатов?

– Вовсе нет. Это всего-навсего анекдот! — сказал Орвилл. Он быстро взял себя в руки. Что произошло? Неужели он за несколько дней пребывания в России заразился их синдромом «кругом шпионы»? Орвилл внимательно взгляделся в лицо Кэт, какая она шпионка? Обыкновенная русская баба, хотя нет — необыкновенная, пожалуй. Кэт оценила пристальный взгляд спутника.

– Хорошо, только после твоего задания! Всё, всё будет, но позже!

– Да, — согласился Орвилл, хотя его стало несколько раздражать постоянное напоминание о службе.

Они поймали частника и укатили по Дмитровскому шоссе.

«Дома» в Бескудниково Орвилл обнаружил, что его смокинг грязен и порван на спине. Похоже, в люке отступления где-то торчали гвозди. Кэт, видать, много раз пользовалась чёрным выходом — её платье осталось целым и неиспачканным. Орвилл бросил смокинг на пол.

– Выбрось, — полупопросил, полуприказал он.

– Такой богатый, да? Или это входит в твои текущие расходы?

– Да. У каждого шпиона несколько гардеробов.

– Как скажешь. Ой! Посмотри-ка, Олеж, что тут у меня на спине! Что-то колется!

Орвилл не тронулся с места. Ещё бы! Стоит лишь подойти ближе, прикоснуться к спине Кэт, и какие уж там первые петухи?!

– Да не бойся! — прочла его мысли Кэт. — В самом деле, колит же!

Орвилл подошёл-таки и оцепенел: жучок! Жучок под английскую булавочку!

– Ну, Олеж! Убери же! Что там такое? — беспокойно задёргала плечами Кэт.

Орвилл аккуратно вынул булавочку.

– Что, там?

– Так, ерунда, — отмахнулся Орвилл и сунул жучок в карман.

– Покажи! – потребовала Кэт.

– Пожалуйста, – Орвилл протянул булавочку.

– Чёрт подери! — выругалась Кэт. — Паршивые китайцы!

– Китайцы? – Орвилл не понял. Не хватало ещё китайцев!

Браши-Лама?

– Ну да, китайцы, кто ж ещё? Это у вас там Версачи настоящий, а у нас, увы, чайни-из! — Кэт плюхнулась на диван, раскраснелась от злости и шумно задышала.

– Не понял.

– Чего ты не понял?! — прокричала она срывающимся голосом. — Единственный раз пошла в ресторан с натураль-

ным шпионом, а тут такой позор!

Орвилл молчал.

– Вот она, наша бедность!

– Какая бедность? Какой позор? Какие китайцы?

– Тебе, дорогой, этого никак не понять! — всхлипнула

Кэт.

– Наверное, — согласился Орвилл и забрал булавку из рук

Кэт. Он ушёл в смежную комнату, сунул булавку в прибор.

Ноль реакции! Никакой это не жучок! Какие китайцы? С довольной миной Орвилл вернулся к Кэт.

– Это всего лишь английская булавочка!

– Вот именно! Булавочка! А ваши девушки скрепляют платье от Версачи булавочкой?

– Откуда мне знать?

– Забыла, ты же и не одеваешь, и не раздеваешь!

– Ну?

– Не погоняй, не запряг ещё! — огрызнулась Кэт, но взглянув на простодушную физиономию постояльца, смягчилась. — Ты ещё ничего не понял?

– Понял. Тебе нужно настоящее вечернее платье, от Версачи!

– Какой ты умный! — Кэт вскочила и повисла на шее Орвилла. — Теперь можешь идти на свое задание!

– Почему? — опешил Орвилл. Обняв упругий стан Кэт, он позабыл о задании.

– Ты понял смысл пословицы! — выдала Кэт, мягко осво-

бождаясь от объятий.

– Точно! – Орвилл слегка стукнул себя по лбу. — А у нас женщины совсем не любят, когда их одевают. Даже не любят, когда за них оплачивают счёт в ресторане!

– Ты просто не видел настоящих женщин! Они есть и у вас, — убеждённо произнесла Кэт.

– Возможно.

– Знаешь, ты на службе, и я тоже! Мне пора в лабораторию!

– Ночью?

– Да. Смена. Хотя, если желаешь, я отпрошусь. Но, наверное, ты не очень-то и желаешь! — Кэт игриво стрельнула глазками.

– Смотри, как тебе удобнее, — уклончиво произнёс Орвилл. Желал ли он, чтобы Кэт осталась? Сам себе не мог ответить. Работая в разных странах, он часто пользовался услугами дам. После выполнения задания Орвилл умело заметал следы. О дальнейшей судьбе его подружек не знал даже всемогущий Интерпол. Теперь же, с Кэт, он ни разу не обдумывал механизм отхода. Подспудно Орвилл осознавал, что Кэт ещё ему пригодится, и не только для выполнения задания.

Пока Кэт облачалась в рабочую блузку и пиджачок, он отстукал послание Бену Хэйворду с просьбой выслать в Россию полный гардероб женской одежды. Орвилл перечислил все размеры, подумал и добавил: В двух экземплярах, и от

Версачи и Гучи!

– Кэт, ты не могла бы?

– Могла бы!

– Могла, что?

– Всё! Тебе ведь нужны сведения о шанкре, не так ли?

Непонятно, она всё ещё шутит, или, в самом деле, считает его шпионом?

– О шанкре, – задумчиво произнёс Орвилл, — да, о шанкре.

– А вот для этого я и еду в лабораторию! Ну, и по работе, — добавила Кэт, чтобы Олежек не возгордился. А уж куда она поедет — его не касается! Коснётся, конечно, но позже. Нельзя упускать шанса! Олежек совсем не похож на типичного дебила-Билла, а поэтому он станет её мужчиной, и навсегда!

– Нам пора.

– Пора!

Они двинулись из дома. Орвилл прихватил с собой маленький чемоданчик, меньше дипломата, крохотный такой кейсик. Кэт позабыла, как эта штучка называется, но видала нечто подобное у бизнесменов средней руки. Она взяла с собой сумочку и небольшой пакет со смокингом.

– Выкину в безопасном месте, — заговорщицки подмигнула она. — А теперь, разбегаемся!

– Куда?

– У тебя своё задание, у меня — своё, — отрезала Кэт. —

Встретимся дома, бай-бай!

Орвилл пожал плечами, сел в первую остановившуюся машину и укатил в сторону конторы Акульева.

Кэт проехала «на частнике» до центра и стала тормозить настоящих таксистов. Не таких, как утренний полудорок, нет! Настоящих.

Кэт не знала, как там у них, в Америке, но в России таксист больше чем таксист! Он выполняет разнообразные функции. Таксист знает всё и чуточку больше. Он не простой извозчик, нет! Он величайший волшебник, Санта Клаус, Гудвин, Алладин, старик Хоттабыч, в одном лице! Он может найти всё, всё достать и предоставить вам что угодно, привезти вас куда угодно и устроить всё, что душа пожелает. К примеру, где вы среди ночи обменяете юани, а? Не знаете! А таксист знает. Более того, он знает: где купить настоящую водку, где взять девочек–мальчиков, где да целую кучу разнообразных «где»! При всём при этом, русский таксист никогда не станет вымогать за информацию: сколь дадите, и то ладно. А продать чего? Всегда, пожалуйста! Довезти до нужной точки и обратно? С величайшим удовольствием! За таксу, разумеется. И тут уж не скупись, иначе заплатишь и дважды, и трижды. Есть инструмент воздействия на забывчивого клиента у каждого таксиста. Монтировка, называется. А как иначе? Ты к нему с добром, и он оплатит сторицей, наоборот — так наоборот! Эффект тот же.

Первый же таксист оказался настоящим: он приветливо

кивнул Кэт на её вопрос и раскрыл дверцу пассажирке. Мигнув огоньками, такси помчалось её к бабке Степаниде.

Глава 22

Контора, похоже, спала. Орвилл точно знал расписание работы, так же точно знал, что в нынешние времена ни один русский не станет просиживать штаны во внеурочное время. К тому же, проект финансировали всемогущие олигархи, значит, ни один служащий за бесплатно и помочиться на работе не пожелает. Орвилл приготовил на всякий случай «табун». Вещь хорошая – полмиллилитра прозрачной жидкости в маленьком шприце: попадёт на кожу охраннику, и готово! Нервный паралич с отключением дыхательной мускулатуры. Никакое вскрытие не обнаружит вмешательства извне.

Однако не было не только охраны, но и сторожа. Не оказалось этого извечно хмельного мужичка, лежащего у окна на истрёпанной кушеточке, ни бабы с испитым лицом, постоянно спешащей к несуществующим детям, — никого!

– Тем лучше, — прошептал Орвилл одними губами и оглядел входные двери. Замок с секретом, глазок видеокмеры. Орвилл усмехнулся.

Эка невидаль, электронный сторож! Это мы проходили, и очень давно.

То, что в Штатах уже переварено, эти русские ещё только начали разжёвывать. Орвилл без особого труда отключил семиступенчатую систему сигнализации простым блокиратором. Проще простого! Прилепил маленькую магнитную пу-

говичку к железной двери, и всё. Так, теперь замок с секретом. Установлен недавно, готовились что ли? С запором пришлось повозиться на двадцать секунд дольше. Двери отомкнулись без скрипа и пыли.

Тотчас в коридоре вспыхнул свет.

Да! Осталось лишь засветиться табло: «Добро пожаловать, Орвилл Янг!» Но табло не засветилось и вообще, похоже, никто не высказал радости прибытию американского шпиона.

Ледяной ветерок просквозил агента. Зябко! Он смело шагнул за порог, едва слышный звук за спиной заставил оглянуться.

Двери входа аккуратно замкнулись и зафосфоресцировали странным могильным светом. Электрический ток? Орвилл в два прыжка оказался у выхода. Он вынул из кейса мини-прибор, проверил. Напряжения нет. Что за свет? Орвилл толкнул двери, глухо. Заперты намертво. Странно. Внезапно заработал кондиционер, установленный над дверью.

— Ох уж эта русская техника! — вслух сказал Орвилл по-русски. В России он и думал на русском языке.

Его голос гулко раздался по коридору, как в пещере. Звуковые волны прокатились по всем возможным закоулкам и, многократно отразившись, вернулись бумерангом.

У Орвилла возникло такое чувство, что ему насильно воткнули в рот его же фразу. Воздух раздул щёки и наполнил

лёгкие. Он шумно выдохнул. Орвилл решил больше ничего не говорить. Подобных штук он не знал — это не замок с секретом! Что это? Недооценка противника? Нет же! Он взял с собой всё, подготовившись так, будто собрался проникнуть в Пентагон. Бывало и проникал, и уходил незамеченным.

Орвилл подпрыгнул, ухватился за ржавую коробку кондиционера, подтянулся и ловко оседлал железного монстра. Он обрезал проводки питания. Кондиционер заглох, но двери по-прежнему не открывались. И пусть! По крайней мере, никто не помешает хорошенько порыться в этом заведении.

Орвилл предусмотрительно оставил за порогом конторы малюсенький кристаллик, не больше булавочной головки, вещь, которая вызовет хоть откуда в любой момент.

Он посмотрел на дверь ещё раз, щель замочной скважины свободна. Этого достаточно для отхода. Агент двинулся внутрь.

Внезапно погас свет и уже не пришла в голову шальная мысль о плакате «Добро пожаловать!» А напрасно! Именно в этот момент впереди коридора из темноты запереливались разноцветные лампочки, как на центральной рекламе города:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД, ОРВИЛЛ ЯНГ!!!

Что это? Давление на психику? Ерунда! Орвилл заблокировал действие на психику: программа защитного чипа предполагала и такой случай. Он спокойно созерцал перели-

вающийся всеми цветами радуги щит и двигался вперёд.

Необходимо найти кабинет профессора Акульева.

Через несколько шагов, позади обрушилась стена. Она шумно спустилась с потолка на таком расстоянии, что едва не отдала Орвиллу пятки. Орвилл оказался в замкнутом пространстве, как в мышеловке: позади глухая бетонная стена. Мгновенье спустя, она зафосфоресцировала, как и входная дверь. Орвилл усмехнулся. Что ж, контора не очень-то оригинальна. Теперь включится какой-нибудь агрегат вроде кондиционера — дешёвый трюк!

Но кондиционер не включился. Вместо этого в ушах Орвилла зазвенели колокольчики. Противными голосами они наперебой орали в самое внутреннее ухо на пятнадцать, известных агенту, голосах: «Добро пожаловать в ад, мистер Янг!!!»

В голове застучала тысяча молоточков, разрывая накопальню и стремячко уха. Орвилл отключил слух. Компьютерная программа слилась с ним и не позволяла воздействовать на организм извне. В полной тишине Орвилл продвигался вперёд, включив собственный автономный источник света. Оказалось, идёт по ковру. Впереди проглядывался коридор и висящий в воздухе плакат. Никаких лестниц, поворотов и дверей. Длинный до бесконечности коридор. Орвилл зажёг расстояние до плаката, оно не изменялось, сколь бы он не шёл к нему. Разноцветные лампочки перемещались одновременно с ним!

Тяжело идти без слуха. Орвилл включил свои уши: голоски не утихали, навязчиво приглашая его в ад. Нонсенс! Пришлось вновь отключить слух. Слишком больно мозгу.

И вновь опустилась бетонная заслонка за спиной. Чего ожидать теперь?

Из-под пола просочился едкий туман, потянуло гнилью. Орвилл не знал, с чем сравнить эту вонь, проникающую вглубь мозга. Зажимать нос бесполезно — Орвилл отключил чувство обоняния.

Через несколько шагов бетонная плита сдвинулась и поползла под ногами, подталкивая Орвилла в спину. Скорость нарастала. Орвилл присел, чтобы не потерять равновесие. Его несло прямо на непробиваемую стену! Ещё чуть-чуть и размажет мозги по щербатому бетону!

Он отчаянно отпрыгнул в сторону, насколько это было возможно. Движущаяся стена прошла мимо, но под ногами не оказалось пола!

Орвилл отключил гравитационное поле вокруг себя и прыгнул в развёрзшуюся под ним бездну. Он плавно завис и специальными движениями, как космонавт, начал спускаться глубже и глубже. А перед глазами мелькали огоньки со зловещим приветствием.

Контора провоцировала пришельца на отключение всех чувств организма и полный переход на компьютер — тот самый кристаллик, предусмотрительно оставленный Орвиллом под крылечком у входа.

Орвилл был уверен в надёжности своего электронного хранителя. Чип имел сильную защиту. Самолично Алекс Строзэн опускал кристалл в растворы различных кислот и щелочей, сбрасывал с небоскрёбов, давил траками гусениц тяжёлых самоходных артустановок, и ничего!

Поочерёдно, по собственной воле Орвилл отключил в себе: слух, обоняние, вкус, чувство веса с рецепторов мышц. Что оставалось? Психика, кроме собственных мыслей, — отключена. Осязание и зрение?

Так оно и произошло. Обжигающее пламя коснулось лица. Орвилл пощупал кожу — ожога не было. Контора действовала на нервы!

Орвилл отключил температурную чувствительность, плевать! Ему бы только добраться до кабинета Акульева, где наверняка расположен мозг всей этой затеи, а там-то он уж сумеет обезвредить главный пульт. Орвилл опустился на самое дно. Тотчас сверху сомкнулся пол, превратившись в монолитный бетонный потолок. Вот тебе и русский компьютер! Орвилл в сердцах сплюнул. Его слюна, как и звук, мгновенно вернулась. Она облепила сжатые губы, силой раздвинула их и сквозь зубы, закипая, просочилась в глотку. Орвилл чувствовал, как пенится собственная слюна. Каждый крохотный её пузырёчек превратился в жалящую иголку. Горло саднило и ранило. Иглы проникали всё глубже и глубже. Вот-вот разорвутся внутренние органы. Орвилл не знал, какой вид чувствительности отключить: позволил компьютеру выбрать

самому. Отрубилась тактильная. Орвилл встал на ноги, но не ощутил ног, потрогал руками шершавую стену, но не почувствовал стены.

Ерунда, скоро он доберётся до искомого мозга и отключит его! Осталось совсем немного.

А в это время дородного вида человек прогуливал по улице свою, не менее мощную, собаку. Пёс имел такой злобный вид, что даже уличные хулиганы-отморозки в ужасе шарахались по сторонам. Пёс это чувствовал и переполнялся восторгом безнаказанности. Он горделиво следовал по тротуару, занимаясь обычными собачьими делами. Пёс зверским взглядом осмотрел золочёную вывеску Конторы и, хоть совсем не хотелось, решил пометить территорию. Он отогнул мускулистую лапу и оросил крылечко. Едкая моча стекла по ступеням, а хозяин собачки победоносно глянул на массивные двери. «Кто в этой жизни хозяин?» — так и говорила его самодовольная физиономия. Если бы он знал, что институт парапсихологии занимается проблемой безопасности страны, гордости хватило бы и на правнуков, как минимум, до седьмого колена!

Тем временем Орвилл приближался к своей цели, наконец-то стали появляться какие-то кабинеты. Интуитивно он определял: не те! Нужен только главный. Там мозг!

Под одной из дверей стелился палас. Похоже на начальственный кабинет, но не тот. Неизвестно почему так решил Орвилл и не ошибся. Метров через двадцать появился

ещё один кабинет, с бархатной дорожкой, ведущей внутрь. Над дверью ещё ярче обозначился призыв из разноцветных огоньков, отсвечивая от них, стала видной табличка: Проф. парапсихологии Фёдор Федотович Акульев

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МИСТЕР ЯНГ!!!

Орвилл добрался до двери летящей походкой — огромных мышечных усилий стоило оставаться в вертикальном положении. Он сообразил, пора вернуть себе вес! Орвилл задал команду, но его электронный хранитель отказался выполнить приказ. Что ж, ему виднее.

Дверь открылась.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!!!

Орвилл переступил порог и не удивился опустившейся за спиной бетонной стене. Это уже не страшило его. Мозг здесь! Несколько хакерских приёмов, и кошмар прекратится!

Перед собой Орвилл увидел ещё одни двери из тёмного эбонита инкрустированные платиновой нитью в виде правильного пантакля. Орвилл понял, что находится в Приёмной профессора Акульева.

Не успел ночной посетитель ступить шагу, как кто-то бесцеремонно ухватил его безвольно повисшие ноги и стал протирать их об специальную циновку. «Чистота — залог здоровья!» — громыхнуло в голове Орвилла. Что это? Слух отключен. Как? Эта адская машина проникла напрямую в мозг!

– Согласен, – сказал Орвилл вслух. На этот раз никто не воткнул обратно в глотку его же слова. Видать, мозг Конторы остался довольным. Из этого следовало, что его можно обмануть!

ЗАБУДЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ!

Не успел Орвилл осмыслить изменение текста стоящего перед глазами плаката, как кто-то схватил агента за шиворот и его лбом отворил двери в кабинет. Агент влетел внутрь, словно пушинка.

Первое, что он заметил, отсутствие углов в комнате.

Затем картинка перед глазами переменилась. Вместо разноцветных огней приглашения в ад появился яркий фон, на котором чёрными буквами сообщалось:

НУ, ТЫ, КОМПЬЮТЕРНЫЙ БОЛВАНЧИК! ХОТЕЛ УВИДЕТЬ МОЗГ? ТАК СМОТРИ!

Орвилл зажмурился. Почему-то захотелось отключить зрение и срочно вдавить кнопку аварийного отхода. Плевать на все русские секреты! Плевать на задание, национальную безопасность США в целом и на Алекса Стрoэна — в частности!!!

Но электронный мозг Орвилла не сработал.

ЧТО, БОСОРАЛСЯ? А ТЕБЯ КУДА ПРИГЛАШАЛИ? ОТКРЫВАЙ ГЛАЗА!

Орвилл зажмурился сильнее.

ОТКРОЙТЕ ЕМУ ВЕКИ!

Что-то знакомое.

ОТКРОЙТЕ!!!

И ему разодрали веки невидимые и неосязаемые руки, или не руки вовсе, может, вилы какие-нибудь. Орвилл остолбенел.

В кабинете, размером с центральное кольцо баскетбольной площадки, лежала огромная серая масса. Она занимала место от пола до потолка, заслоняя собой стены. Зловеще шевелились мощные извилины. Из каждого полушария из-под низу высовывались толстые рукава–шланги с огромными глазными яблоками на концах. Глаза размерами со школьный глобус переливались набухшими кровью сосудами, двигались из стороны в сторону, уставившись на агента, проникшего на чужую территорию.

ТЫ ХОТЕЛ ОТКЛЮЧИТЬ МОЗГ? ТАК ОТКЛЮЧАЙ ЕГО! ДЕЙСТВУЙ, АГЕНТ ОРВИЛЛ ЯНГ!

Вновь Орвилл вдавил кнопку аварийного выхода, и опять не сработало.

НУ, ДАВАЙ ЖЕ!

Полушария раздвинулись, глазные стебли обхватили Орвилла и впихнули внутрь. Мерзкая серая масса поглотила его.

Орвилл потянулся за своим кейсом, его-то он не выпускал из рук. Но глазной стебель отшвырнул прочь джентльменский набор агента.

ЭТИ ИГРУШКИ ТЕБЕ НЕ ПОНАДОБЯТСЯ! И НЕ СПЕШИ УМИРАТЬ! ПОВЕРЬ, ТАМ ТЕБЕ СТАНЕТ ЕЩЁ ХУ-

ЖЕ!

Но Орвиллу было наплевать. Липкий и жгучий страх сковал все его члены. Уверен, страх нагнан извне. Но одной уверенности не хватало.

ИЗУЧИЛ МОЗГ КОНТОРЫ? У ТЕБЯ ЕЩЁ НА ВСЁ ПРО ВСЁ НЕСКОЛЬКО МИНУТ!

Мозг, похоже, не врал. Внутри Орвилла начала закипать кровь, заскакали, задёргались все клеточки организма. Ещё чуть-чуть и его попросту разорвёт изнутри!

Мозг зловеще молчал.

Орвилл проклял свою службу, моментально вспомнив все свои дела. Убиенные им люди встали перед глазами. Они, как ни странно, улыбались и тянули к Орвиллу руки. Самые подлые поступки жизни промелькнули в голове. Страх кипел изнутри, подходя к критической точке. До взрыва осталось несколько мгновений.

Мозг молчал.

Орвилл инстинктивно скрестил руки, на груди, нащупал распятие. Он упал на колени, и истово стал молиться. Орвилл запомнил молитву гоголевского Хомы и бесконечно повторял её. Он искренне раскаивался во всех своих грехах. Обращаясь к Богу, Орвилл обещал всё на свете бросить. Он не просил жизни или смерти, только хотел получить прощение. Раньше Орвилл иногда подумывал: «А достоин ли он прощения?» Теперь об этом не думалось, да вообще ни о чём не думалось.

Седьмым чувством Орвилл ощутил, что мозг не доволен его поведением. Серая плотная масса вокруг него принялась размягчаться и приобретать причудливые очертания. Это было похоже на тесто. Сейчас оно забьётся в рот, нос, глаза, уши и конец!

Орвилл сорвал с себя распятие и стал размахивать им вокруг, не переставая творить молитву. Когда крест касался тестоватой массы, она отступала прочь. Едва Орвилл отводил распятие в сторону, как студень вновь приближался к нему. Бессознательно Орвилл, стоя на коленях, очертил вокруг себя круг, вспарывая твёрдую оболочку пленившего его мозга. В момент стало легче, перестала кипеть кровь. Но мозговая ткань, отступив, сгруппировалась. Орвилл понял, она обрушится на него всей массой и приплюснет. Из последних сил он прокричал имя Господа Бога и отключился, упав навзничь.

Где-то вдалеке прокричал первый петух.

Глава 23

Беспокойно ёрзая, несколько часов кряду Кэт сидела в комнате хозяйки дома, ожидая Степаниду. А что ей оставалось? Велено ждать и не отлучаться. Иначе ничего не выйдет. Внутри Кэт томилось нехорошее предчувствие, но уходить она не желала. Надо довести дело до конца. Только бы хватило денег.

Кэт взяла с собой все свои сбережения. Когда-то она копила на чёрный день баксы, а чёрные дни всё следовали и сле-

довали один за другим, каждый чернее предыдущего. Деньги она не тратила и разумно поступила. Теперь она отдаст, чтобы прекратилась чёрная полоса жизни. Только бы хватило. Как нетерпеливая школьница Кэт продолжала ёрзать. Скоро протрутся последние приличные колготки, но время ли думать о них?

Когда уже не хватало никакого терпения, появилась хозяйка.

Кэт посмотрела ей в лицо. До чего же безобразна эта Степанида! Но что делать, терпеть, так терпеть до конца. Ради своей цели Кэт была готова общаться хоть с самим дьяволом.

– Дай руку! — приказала старуха.

Кэт молча повиновалась. Кэт как бы со стороны ощутила свою изящную ладошку в трёхпалой кисти Степаниды. Она подавила в себе желание поморщиться. Старуха улыбнулась в ответ.

Через несколько минут Степанида рассказала всё о посетительнице. Всю её, в общем-то, непутёвую жизнь: взлётики и падения, мечты и обманутые ожидания. Степанида также указала: сколько денег клиентка принесла с собой и про смокинг упомянула.

Все это было интересно, но не очень. Кэт открыла рот, чтобы напомнить старухе о цели своего посещения, но Степанида продолжала тоном, не терпящим никаких возражений:

– Лупина ты бросила из-за его маленькой неприятности с

органом, вызывающим раньше твоё восхищение. А знаешь, у кого он теперь?

— Нет. И не хочу знать! — твёрдо ответила Кэт. Она не за этим пришла!

— Как хочешь, — улыbnулась старуха. — А девка-то ты неплохая! Помочь тебе, что ли?

— Помочь, — покорно прошептала Кэт вслух, а про себя подумала: «А на кой я тогда тут сижу и выслушиваю твою старческую дребедень?»

— Итак, твоя цель — Орвилл Янг, агент национальной безопасности США, — утвердительно произнесла старуха.

— Как? — воскликнула Кэт. — Он, в самом деле, агент?

— А то! Ещё какой агент. Сейчас на задании, — старуха чему-то усмехнулась. — Ты же знаешь об этом, не так ли?

— Я. Я просто шутила!

— В каждой шутке есть доля — шутки, — философски изрекла старуха. — А зачем тебе его привораживать?

— Как? — поперхнулась Кэт. — Зачем я нужна агенту?

— С сегодняшней ночи он уже не агент, — кивнула седой головой Степанида. — Он заберёт тебя. Вы уедете на далёкий остров, где вас никто не найдёт. Будете жить там счастливо.

— И умрём в один день, — упавшим голосом продолжила Кэт: показалось, что старуха дурачит её.

— Вот этого обещать не могу, но дети у вас будут.

— И всё-таки, — Кэт сжала кулачки, — мне хотелось бы

гарантий!

– Я понимаю, не хочется тратить деньги попусту? Как знаешь. Дам я тебе зелья приворотного. Обожди! — старуха исчезла за занавеской.

Кэт задумалась. Откуда Степаниде так много известно? Может, старуха не врёт — не надо привораживать? А если врёт? Ведьма есть ведьма. Откуда от колдунов добро-то было? Пусть даёт свою отраву!

Тем временем Степанида взяла бутылёк из тёмного стекла, плеснула в него настоя зверобоя из медного чайничка, подумала, и для пущей убедительности капнула туда пихтового масла. Она не лукавила и не обманывала гостью. Как говорила, так оно и будет. Для чего портить жизнь девки приворотным зельем? Попьют чайку, да за свадебку.

– Возьми, – Степанида протянула пузырёк клиентке. — Да помни! Ждут тебя испытания!

– Мне и самой выпить?

– Конечно, пусть любовь будет крепче!

Кэт выложила деньги на зелёную бархатную скатерть. Старуха молча сдвинула кучку купюр к себе, отделила пару сотен, остальное вернула клиентке.

– Тебе больше пригодятся. А вот смокинг заберу с удовольствием!

– До свидания!

– До свидания! Я бы сказала, прощай, но ещё повстречаемся!

Кэт смолчала, встречаться со Степанидой ей не хотелось. Чувствовала Кэт себя прескверно, бесцеремонное вторжение в её память оставило в голове чувство инородного тела. Где-то там должен быть мозг, с вымученной улыбкой подумала Кэт.

Сама не зная почему, Кэт назвала шофёру неизвестный адрес. Она не подозревала о существовании Конторы, язык самостоятельно назвал улицу и дом. Наверное, побочные эффекты колдовства.

Таксист ловко подрулил к крылечку и, не отключая фары, встал напротив входа, освещая крыльцо, он тоже не знал, для чего так поступил, когда намного было удобнее припарковаться бочком и высадить клиентку. Таксистское наитие распорядилось иначе. Оно не подвело шофёра, на крылечке кто-то лежал. То ли бомж какой, то ли больной, что вряд ли. В четвёртом часу утра больные не шастают по городу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.